

МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

АРТУР КРУПЕНИН

AVE, CAESAR!

< ДЕЛО О РИМСКОЙ МОНЕТЕ >

Глеб Стольцев

Артур Крупенин

**Ave Caesar! (Дело
о римской монете)**

«Автор»

2010

Крупенин А. Б.

Ave Caesar! (Дело о римской монете) / А. Б. Крупенин —
«Автор», 2010 — (Глеб Столыцев)

ISBN 978-5-900048-80-2

Преподаватель кафедры истории Древнего мира Глеб Столыцев в результате несчастного случая приобретает неожиданный дар – взяв в руки любую вещь, он способен испытать то, что чувствовали люди, прикасавшиеся к этому предмету в прошлом. Теперь Столыцеву предстоит выяснить, каким образом античная монета времен Юлия Цезаря связана с чередой жутких преступлений, совершенных в наши дни.

ISBN 978-5-900048-80-2

© Крупенин А. Б., 2010

© Автор, 2010

Содержание

1. Каменоломня	6
2. Побочные эффекты	8
3. Пенаты	15
4. Клеопатра	18
5. Капитан	22
6. День рождения Цеце	31
7. Денарий	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Артур Крупенин

Ave Caesar! (Дело о римской монете)

© А. Крупенин, автор, 2010

© Издательская группа «Арбор», 2015

* * *

Посвящается Кузе

Вся наша жизнь – история по сути...
Уильям Шекспир, «Генрих IV» (II-3-1)

1. Каменоломня

В Подмоскowie совсем нет естественных пещер. А вот каменоломен навалом. По берегам одной только Рожайки их как минимум три. Кстати, Рожайку Глеб выбрал не случайно: в этих местах в августе 1572 года произошла последняя великая битва Руси со Степью, окончившаяся полным разгромом ста двадцатитысячного войска крымского хана. Об этом тоже можно будет поговорить по ходу дела.

Изучив карту, из трех обозначенных на ней каменоломен он выбрал ту, что поменьше. Согласно географическому справочнику «Все Подмосковье», ее подземная полость тянется всего на восемнадцать метров. Остальные же представляют собой куда более запутанные лабиринты, передвигаться по которым без специального снаряжения и необходимых навыков очень непросто. Глеб предпочел самый безопасный для студентов вариант. Он притормозил у обочины и еще раз сверился с картой. Да, точно, вот она.

Заперев машину, Глеб внимательно осмотрел вход. Шурф, ведущий в каменоломню, оказался длинным и тесным. Ребята, конечно, могут по этому поводу слегка струхнуть, но, с другой стороны, выброс адреналина только подстегнет их рефлексy и заставит быть более собранными.

Он пропихнул в лаз рюкзак, зажег фонарик, затем полез сам. И сразу же почувствовал движение воздуха. Раз есть тяга, значит, пещера не слепая и соединена с какой-то другой подземной полостью. Странно. Об этом в справочнике не было ни слова. Поежившись, Глеб двинулся дальше.

Собственно, ничего оригинального в этой задумке не было. Когда Глеб сам учился на истфаке, его преподаватель точно так же натаскивал учеников, выводя группу в «поле». Почему бы не последовать его примеру? Но сначала надо все разведать самому. Единственная загвоздка была в том, что каменоломня не представляла ровно никакого исторического интереса. Этот недостаток сегодня и предстояло исправить.

Был самый конец августа, но в Москве до сих пор держалась летняя жара. В подземелье, однако, стояла приятная прохлада. Как и следовало ожидать, внутри было довольно грязно. Аккуратно сложив в пластиковый пакет разбросанные по полу пустые бутылки и банки из-под пива, Глеб удовлетворенно огляделся по сторонам. Наконец-то можно заняться подготовкой к будущему практикуму.

Присев на корточки, он принялся доставать из рюкзака заранее заготовленные артефакты: медную монету конца XVIII века, старинную пуговицу, пару допотопных гвоздей и вполне себе антикварное зубило. Одно за другим Глеб спрятал все это в щелях за камнями. А теперь надо бы научить студентов смотреть не только себе под ноги. Известно, что, прежде чем были открыты наскальные рисунки в Каповой пещере на Южном Урале, туда много раз спускались специалисты, причем не какие-нибудь там чайники, а опытейшие профессионалы. И никому не пришло в голову повнимательнее осмотреть своды.

Глеб направил фонарик вверх. Потолок оказался неожиданно высоким – метров восемь, не меньше. Он посветил по сторонам. В одном месте стена ровными ступенями поднималась вверх. Ну и славно – не придется карабкаться.

Взяв баночку с желтой гуашью, – сойдет за охру, которой пользовались первобытные люди, – он зажал фонарик в зубах и полез вверх, придерживаясь одной рукой за влажные камни. Добравшись до потолка, Глеб принялся рисовать, имитируя пещерную живопись. Получилось не очень, но изображение было вполне читаемым: вооруженный луком охотник целится в клыкастого кабана. Самым слабым местом композиции оказался вепрь, больше похожий на растолстевшего и страдающего неправильным прикусом Пятачка. Но, в конце концов, не все же художники палеолита были способны создавать шедевры вроде тех, что можно найти

во французском гроте Фон-де-Гом. Отдельные работы некогда творившего там пещерного Леонардо могли бы запросто затмить иную экспозицию современного искусства на московской биеннале. Эта мысль почти примирила Глеба с результатами его труда.

Оставался последний штрих – подрисовать кабану огромный выразительный глаз, грозно смотрящий на охотника. Но тут прямо из-под руки, опиравшейся на выступ стены, словно дурно воспитанное привидение, выпорхнула абсолютно белая летучая мышь. Непонятно откуда взявшийся альбинос ударил крыльями в сантиметре от лица человека и растворился в уходящей в темную даль воронке, судя по сквозняку, ведущей в соседнее подземелье. Глеб инстинктивно отшатнулся и, потеряв равновесие, выбросил вперед руки, судорожно пытаясь найти опору. Совсем чуть-чуть не дотянувшись до стены, он стал медленно проваливаться в пустоту.

«Только не головой!» – пронеслось в мозгу у Глеба за мгновение до того, как его затылочная кость хрустнула от удара.

2. Побочные эффекты

Резь в глазах была просто невыносимой. Свет в первую же секунду причинил такую боль, что лицо пришлось прикрыть ладонями. Лишь когда подбежавшая медсестра плотно заштопила окно, Глеб снова отважился осмотреться. Он попробовал сесть, но, почувствовав подступающую тошноту, упал на подушку.

Хм, похоже на больницу. Что это с ним? Несчастный случай? Ах да, чертова каменоломня! Надо бы проверить руки и ноги. Беглый осмотр подтвердил, что все конечности были на месте – уже неплохо. Тогда что же с ним не так? Глеб осторожно ощупал голову. Она была туго обвязана бинтами по самую макушку, но по-прежнему соединена с шеей, что, конечно, хорошая новость. Немного успокоившись, Глеб снова погрузился то ли в сон, то ли в беспмятство.

* * *

Только утром он наконец смог поговорить с врачом.

– Ольга Борисовна, – представилась миловидная женщина в безукоризненно белом халате, глядя на Глеба поверх очков. – Как самочувствие?

– Ниже среднего.

– Так и должно быть.

– Это почему же?

– Вы неделю лежали без сознания.

– Целую неделю? А что со мной?

– У вас серьезная травма головы. Бригада хирургов чуть ли не по кусочкам склеила вашу черепную коробку.

Глеб похолодел.

– Ну и как у них получилось?

– По-моему, весьма успешно. – Голос врача был полон деланого энтузиазма. – Долечитесь пару-тройку недель – и домой.

– Что, и совсем без последствий?

– Не то чтобы совсем...

– А можно поконкретнее?

– В подобных случаях никогда не знаешь, что и когда вылезет. Но регулярные мигрени на всю оставшуюся жизнь я уже сейчас могу вам гарантировать. Это как минимум. А там как повезет.

Врач смотрела с явным сочувствием. Глеб же, напротив, приободрился. В конце концов, ничего по-настоящему пугающего ему пока не сообщили – значит, поводов сильно расстраиваться нет. А мигрени, к слову, и до этого нередко гостили в его голове, так что это известие особого впечатления не произвело.

Ольга Борисовна направилась к выходу. В дверях она обернулась.

– А кроме того, – голос врача на секунду утратил дежурный энтузиазм, – такого рода повреждения могут привести к самым неожиданным осложнениям. Поживем – увидим.

И ведь как накаркала.

* * *

Полгода назад Глебу Стольцеву исполнилось тридцать семь, и он остро почувствовал первые признаки кризиса среднего возраста. Нет, Глеб по-прежнему обожал свой предмет и был всемерно уважаем коллегами и студентами. Тем не менее он вдруг отчетливо понял, что еще так многого не успел – и в науке, и в жизни. И что в силу своего характера не способен долго высидеть на одном месте, пускай это и место преподавателя в престижном университете. Кроме того, Глебу категорически не хотелось вечно зависеть от перепадов настроения кафедрального начальства. А отношения с заведующей не сложились с самого первого дня. Оно и неудивительно: несмотря на опыт и несомненные научные достижения, Стольцев был новичком, а значит, чужаком в запутанном лабиринте академических склок и околонаучной грызни. Он лишь недавно сменил пропотевшую ветровку археолога на отутюженный пиджак университетского преподавателя.

Так случилось, что после десяти лет, проведенных Глебом в бесконечных экспедициях, семейное счастье Стольцевых затрещало по швам. По меткому замечанию одного историка, цивилизации рождаются неколебимыми столбами, а умирают изнеженными эпикурейцами. То же самое Глеб теперь мог сказать и о браках. Их размолвки с Настей все чаще случались из-за мелочей, на которые прежде никто из двоих не обратил бы внимание. Семья из прочного союза превратилась в гладиаторскую арену для вечных стычек. Если раньше он всегда стремился как можно быстрее закончить дела и вернуться к жене и дочери, то в последние годы всеми силами старался оттянуть встречу с собственным домом. Каждый раз после очередного многомесячного отсутствия он будто заново знакомился с собственной женой, тщетно пытаясь встроиться в ее отлаженную столичную жизнь.

Любопытно, что в первые годы подобные разлуки, казалось, шли им на пользу и только поддерживали свежесть чувств. Однако выяснилось, что у разлук, как и у какого-нибудь там плутония или урана, тоже существует понятие критической массы и, однажды ее достигнув, они вызывают необратимую цепную реакцию взаимного отчуждения. Некогда родной человек вдруг становится чужим и невыносимым.

Самое забавное, что через год после того, как Глеб все же уступил ультимативному требованию жены и, не без сожаления оставив кочевую археологию, согласился на оседлую работу преподавателя, Настя все-таки подала на развод. Глебу даже показалось, что она приняла решение заранее, но из принципа захотела добиться от него этого жертвоприношения. А жертва и в самом деле была немаленькая. Оставив руководящую должность на раскопках в Северном Причерноморье, где он увлеченно занимался изучением греческих городов и памятников Боспорского царства, Глеб Стольцев был вынужден снова строить карьеру чуть ли не с нуля. К тому же на кафедре археологии не оказалось вакантной должности, и ему пришлось довольствоваться куда менее подходящим местом преподавателя древней истории. Теперь вместо романтических греческих развалин перед ним высились горы отчетов и ведомостей.

Поначалу он планировал просто пересидеть здесь некоторое время, пока не освободится профильная позиция, но потом втянулся и бросил думать о переходе. Прекрасно владевший двумя мертвыми и пятью живыми языками, превосходно знавший предмет, бывший прирожденным рассказчиком и помнивший сотни исторических и археологических баек, Глеб быстро превратился в любимца студентов истфака.

А еще Стольцев, побывавший в двух международных экспедициях, всегда умел ладить с иностранцами. В апреле на симпозиуме он познакомился с симпатичной словоохотливой итальянкой, которая захотела лично поздравить его с блестящим докладом. Дама оказалась деканом одного из факультетов университета в Болонье. Посреди милой болтовни за коктейлем она намекнула, что с научным багажом Глеба и его знанием классических языков вкупе с итальян-

ским он запросто мог бы читать в Италии курс лекций по истории греческих и римских колоний. В самом деле, где еще заниматься античностью, если не на Апеннинском полуострове? Тем более что когда-то Глеб уже работал на раскопках среди бескрайних холмов и живописных кипарисов Тосканы и сохранил об этом времени самые лучшие воспоминания. Так почему бы не повторить? После развода с Настей в Москве его теперь ничто не удерживало. Их дочери исполнилось тринадцать – ей уже было явно не до него. Подхлестываемая первым приливом неукротимых гормонов, Ксения стремительно входила в новый для себя мир взрослых желаний и интересов. Так что разлука пошла бы всем только на пользу.

Глеб тут же предался мечтам. Конечно, Болонья далековата от моря, но в выходные доехать до пляжа на машине – раз плюнуть. А что уж и говорить о тамошних ресторанах? Итальянцы не зря считают Болонью столицей еды.

Пять месяцев, пролетевших после той встречи, прошли в переписке и телефонных переговорах с университетом. Постепенно его будущая работа обрела конкретные очертания и детали. Теперь Глеб не просто жаждал призрачных перемен, а был уверен, что они вот-вот произойдут. Если бы не эта дурацкая каменоломня.

* * *

Он проснулся от головной боли. Нестерпимо хотелось в туалет. И хотя все необходимое для лежачих больных в палате имелось, Глеб принял решение во что бы то ни стало доковылять до унитаза на своих двоих. Он с трудом оторвал чугунную голову от подушки и медленно сел. Опять накатила тошнота. Нет, кажется, придется дожидаться помощи.

А вот и медсестра. Еще совсем не старая, но изрядно побитая жизнью, с незакрашенной сединой в волосах и лицом, отвыкшим улыбаться. Глаза скрыты за темными стеклами очков.

Стесняясь собственной слабости, Глеб попросил ее помочь ему преодолеть несчастные пять метров, разделяющие койку и дверь туалета. Сестра с явным неудовольствием подставила локоть.

Подняться удалось с огромным трудом. А может, сдать и воспользоваться уткой, как все? Нет, мы еще поборемся. Они прошли почти три четверти пути до заветной двери, когда силы вдруг окончательно оставили Глеба. Пытаясь удержаться на ногах, он стиснул локоть сестры, но непослушные пальцы стали предательски сползать. Сестра схватила пациента за руку. Едва их ладони соприкоснулись, все и случилось.

* * *

Очень странное ощущение. Больше всего это было похоже на то, что чувствует человек, едва пробудившийся от глубокого сна. Было непонятно, он все еще спит или уже бодрствует. Все кругом представлялось каким-то смутным. Звуки приглушены, образы размыты. Ощущение усилилось. Больничная палата потихоньку трансформировалась в какую-то совсем другую реальность.

Глеб вдруг увидел, что держит в руке что-то похожее на узкую полоску бумаги. Затем у него на глазах на белой полоске четко проступили две синие поперечные линии. Хм, напоминает тест на беременность, они с Настей в свое время пользовались таким же. Но тогда вид двух полосок вызвал прилив безграничного счастья, а сейчас Глеба охватил страх. А что, если это Ксюха? Но ей же только тринадцать!

Галлюцинация не прекращалась. Тест полетел в унитаз, а зажатая в другой руке стеклянная банка – прямиком в кафельную стену. Мелкие осколки отскочили ему в лицо, а одна стеклянная соринка, кажется, даже попала в глаз. Сами собой хлынули слезы.

– Неужели беременна? – ахнув, прошептал Глеб.

Резкий толчок прервал его видение. Глеб вернулся к действительности, стоя на дрожащих ногах у двери туалета. Медсестра вплотную подошла к нему и подняла очки на лоб. Ее правый глаз слезился и был весь красный. Женщина тряхнула его за плечи и прошипела:

– Откуда ты знаешь? Кто тебе сказал? А ну, отвечай!

Уф! Значит, все-таки не Ксения. Глеб облегченно выдохнул:

– Так это, выходит, вы в положении? Поздравляю!

– Кретин! – промычала медсестра и заплакала.

Она втолкнула Глеба в туалет и со всего маху захлопнула дверь. От потрясения выполнить то, ради чего он с таким трудом сюда добирался, удалось далеко не сразу. Мысли, беспорядочно сменяющие одна другую, мешали сосредоточиться. И в самом деле, как он узнал? Откуда взялась эта бумажная полоска и как она попала к нему в руки?

Как ни странно, встряска пошла на пользу – Глебу стало немного лучше. Добраться до койки удалось без посторонней помощи. Едва коснувшись головой подушки, он провалился в глубокий сон.

* * *

Сразу после пробуждения мысли вновь вихрем закружились в голове. Что это было? Могло ли вчерашнее видение быть вызвано действием какого-то лекарства? Ничего подобного он раньше никогда не испытывал.

В палату вошла медсестра. В отличие от сменщицы сегодняшняя барышня была крайне приветливой и любезной. Она представилась Машей, и это имя ей очень шло. Маша щедро расточала направо и налево свою белозубую улыбку, при которой на щеках появлялись симпатичные ямочки. Она несколько раз предлагала Глебу помощь и всячески старалась его развлечь обсуждением последних телесериалов.

* * *

Ровно в полдень в дверь деликатно постучали. Держа в одной руке сумку с фруктами, а в другой – с книгами, в палату зашел коллега Глеба профессор Борис Буре. Несмотря на почти тридцатилетнюю разницу в возрасте, они здорово сдружились. «Одна душа в двух телах», – цитировал по этому поводу Аристотеля Борис Михайлович.

Выходец из семьи поволжских немцев, он еще в далекие шестидесятые с чемоданчиком, куда с лихвой помещалось все его имущество, приехал посмотреть Москву, да так и остался, посвятив свою жизнь науке. Без каких бы то ни было связей Буре, с блеском окончивший истфак, сразу получил предложение преподавать на кафедре и в итоге превратился в кумира многих поколений студентов.

Старший товарищ и наставник Глеба в науке был рафинированным интеллектуалом и классическим интеллигентом. Как ни странно, несмотря на все эти его достоинства, нынешнее руководство кафедры тихо ненавидело профессора и не питало никакого пиетета к одному из старейших преподавателей и всемирно известному специалисту в области античной истории. Более того, завкафедрой периодически пыталась выпихнуть пожилого историка на пенсию, время от времени прощупывая коллектив вопросом: а не пора ли нашему любимому Борису Михайловичу на покой?

Буре поставил обе сумки на стол и подсел к койке.

– Ну как вы, голубчик? Что говорит медицина?

Он обожал использовать старомодные слова и выражения вроде «голубчик», «батенька», «миленький вы мой» и тому подобные.

– Жить буду. Недели через три выйду на работу.

– Да уж, не затягивайте. Сами знаете, наши рабочие места будто медом намазаны.

– Знаем-знаем. А что на кафедре?

– Обычная рутина. Ничего примечательного. Разве что пара студенток с волнением справлялись о вашем здоровье.

– Ну так уж и с волнением?

Борис Михайлович хитро улыбнулся:

– Что вы, просто места себе не находят.

Надо сказать, после развода Глеб в сугубо терапевтических целях пару раз спал со своими студентками. Он никогда не проявлял в этом вопросе инициативы, но если девушка была настойчива, недурна собой и не пыталась улучшить свою успеваемость половым путем, Глеб не видел ничего зазорного в том, чтобы позволить ситуации прийти к логическому завершению. И хотя он прекрасно понимал, что девчонки влюблялись не столько в него как в мужчину, сколько в блестящего лектора и знатока предмета, грех было время от времени не дать моральную слабину. Разумеется, так, чтобы на кафедре не узнали. Но от зоркого глаза Бориса Михайловича ничто не могло ускользнуть.

– А еще я принес вам почитать. Как вы просили: Полибий и Тацит.

Обе книги были в оригинале. Глеб был единственным, кроме самого Буре, сотрудником кафедры, кто свободно читал и по-латыни, и по-гречески. И хотя большого практического смысла в этом не было – все мало-мальски значимые работы были давно переведены на русский – тем не менее эти способности вызывали уважение и даже зависть отдельных коллег. Мало того что Глеб единственным из молодых историков блестяще владел двумя классическими языками, он еще и знал их куда лучше, чем иные преподаватели-филологи, читавшие соответствующие курсы студентам истфака. Вот уж где была черная зависть и неприкрытая неприязнь. Глеб, впрочем, знаниями особо не кичился, хотя и любил направо и налево сыпать классическими цитатами на своих лекциях. Аудитория понимала не всегда, но это ее не особенно смущало. Однако если студенты с подачи горе-преподавателя иной раз неверно трактовали того или иного античного автора, Глеб педантично правил их ошибки, чем, разумеется, никак не мог заслужить симпатий коллектива кафедры древних языков.

Филологи поначалу пытались поднять выскочку на смех, но не тут-то было. Довольно скоро выяснилось, кто тут настоящий знаток, а у кого просто имеется приличествующий должности диплом или даже диссер. Большинство чистых языковедов целиком посвятили себя изучению узкоспециальных вопросов, ибо только таким образом можно было написать более или менее достойную научную работу и прочно закрепиться в штатном расписании университета. Перед Глебом же такая цель никогда не стояла – он просто-напросто самозабвенно учил языки во всей их живости и широте. Кроме того, ни у кого другого и намека не было на подобный лингвистический дар. К примеру, глаз Глеба был столь цепок, что безошибочно отличал описки полуграмотных античных переписчиков и резчиков по камню от доселе неизвестных науке древних словоформ. Неспроста в студенческой и преподавательской среде за Глебом Стольцевым прочно закрепилось уважительное прозвище Светоний. Хотя с таким же успехом его можно было прозвать и Плутархом – греческий тоже был его коньком.

Сам Глеб относился к этой своей славе с иронией. Ему ли было не знать, что раскопавший Трою Генрих Шлиман владел девятью языками, а расшифровавший египетские иероглифы Жан-Луи Шампольон – вообще четырнадцатью!

С другой стороны, Глеб и сам признавал, что, убив кучу времени на изучение чужих наречий, он потерял момент, когда нужно было двигаться вверх по научной линии, и, будучи страстно увлеченным предметом и преданным своему делу ученым, тем не менее оказался обойденным по служебной лестнице менее эрудированными, но куда более целеустремленными коллегами. Это, впрочем, его не сильно смущало. Стольцев болел собственно историей,

а не историей собственного успеха. Но так было, пока ему не стукнуло тридцать семь, и он вдруг стал тяготиться отсутствием осязаемых достижений.

– Ну а как прошел последний «кафедральный собор»?

Так они с Буре в шутку называли собрание коллектива кафедры. В ответ профессор охотно пересказал все свежие университетские сплетни. Поболтав с коллегой еще с полчаса, Глеб утомился и уже было подумывал попросить его извинить, но тут чувствительный Буре и сам стал спешно прощаться, пожелав коллеге скорейшего выздоровления.

* * *

Глеб пытался почитать, но довольно быстро задремал. Он проснулся от того, что сестра Маша, поправляя сбившуюся постель, заботливо сложила его руки поверх одеяла. Сначала одну, потом столь же аккуратно – другую. Внезапно Глеб снова испытал те же ощущения, что и вчера перед дверью туалета. Контуры интерьеров утратили резкость. Окружающая действительность на глазах начала медленно трансформироваться. Словно в кино, когда один план переходит в другой не прямой склейкой, а долгим микшированием.

Столыцев увидел себя в незнакомом помещении. Откуда-то из соседней комнаты послышался слабый женский голос:

– Маша, мне плохо. Купи «Но-шпу». Только не простую, а «форте».

Затем все исчезло.

Закончив манипуляции с одеялом, сестра поправила подушку и ободряюще улыбнулась. Она уже собралась уходить, но, заметив неладное – очень уж странно глядел на нее пациент, – обеспокоенно спросила:

– С вами все в порядке?

– Вы уже купили лекарство? – вместо ответа поинтересовался Глеб.

– Какое лекарство? – все еще улыбаясь, шепотом переспросила Маша.

– «Но-шпу-форте», как вас просили.

Сестра перестала улыбаться и растерянно заморгала.

– Вообще-то у моей мамы вчера случился приступ язвенной болезни. Но откуда вы-то об этом знаете?

Тяжело вздохнув, Глеб заложил руки за голову.

– Вот и я думаю, откуда?

Маша, с большой опаской глядя на Столыцева, боком вышла из палаты и больше не появлялась, а Глеб до самого утра не смог сомкнуть глаз, пытаясь понять, что же, черт возьми, с ним происходит? А может, дело не в нем? А вдруг здесь место такое?

* * *

В последующие дни ничего неординарного не случилось. А через неделю с головы наконец сняли повязку. Вернувшись в палату, Глеб с опаской подошел к зеркалу в туалете.

Нет, вроде не так уж все и плохо. Лишь несколько ссадин и крупный шрам, который можно было нащупать на затылке. Да и тот, скорее всего, со временем скроется под шевелюрой. Кажется, пронесло.

* * *

После очередного обхода Ольга Борисовна пригласила Глеба к себе в кабинет.

– А вы, оказывается, красавчик! – констатировала она, с явным интересом оглядев пациента. – Сестры наверняка будут скучать.

– Я тоже, – соврал Глеб.

После стандартных вопросов о самочувствии врач еще раз внимательно посмотрела на него и задала вопрос, ради которого, судя по всему, и позвала:

– Так вы и в самом деле экстрасенс?

Глеб сделал удивленное лицо.

– До сих пор ничего такого за собой не замечал...

Но Ольга Борисовна была настойчива:

– Сестра Гладкова рассказала мне занятную историю про ваши способности.

– Гладкова?

– Маша.

– А-а, Маша. Было дело...

– Да и сестра Малышева жаловалась и вообще отказалась впредь заходить в вашу палату.

«Немудрено», – подумал Глеб, вспомнив о своем самом первом видении.

– Помните, я говорила, что такого рода повреждения могут привести к неожиданным последствиям? Именно так, похоже, и случилось. Знаете, я слышала немало рассказов о том, что тяжелая травма или сильный стресс могут активизировать скрытые способности организма, но своими глазами вижу подобное в первый раз. Надо же – уметь читать чужие мысли! Вы и про меня что-нибудь знаете?

– Абсолютно ничего. Для этого я должен к вам прикоснуться. Но мне бы не хотелось, поймите меня правильно.

Врач полушутя, полуиспуганно отстранилась.

– И не нужно. – В ее голосе снова зазвучал напускной энтузиазм: – А давайте-ка я вас направлю к психологу. У меня на примете есть отличный специалист. Вот, возьмите.

Глеб был еще слаб и не имел ни сил, ни желания спорить. Он кивнул и из вежливости взял визитку.

– В следующую пятницу я вас выпишу. Но с уговором, что покажетесь мне через месяц, а до этого обязательно, слышите, обязательно позвоните по этому номеру.

3. Пенаты

Родной дом встретил его пылью, затхлостью и кипой нечитанных журналов. В холодильнике сгнили почти все продукты, и его пришлось полдня проветривать, после чего стало наконец возможно загружать туда свежую снедь.

После больничной диеты поход в супермаркет показался наслаждением, сравнимым разве что с шопингом в период новогодних распродаж. В результате Глеб накопил гораздо больше еды, чем был способен съесть. Впрочем, это обстоятельство его только развеселило. Столыцев был завзятым гурманом, обожал не только плотно и вкусно поесть, но собственноручно готовить всякие сложносочиненные блюда.

Порядком утомившись от однообразия больничной диеты, он решил себя побаловать, состряпав средиземноморский ужин. В свое время поработав в Италии, Глеб в изобилии научился готовить тамошние блюда. Сегодня он выбрал спагетти с мидиями. Разумеется, замороженные моллюски – или, как их когда-то трогательно называла пятилетняя Ксюша, «малюски» – ни в какое сравнение не шли со свежельюловленными. Глеб с ностальгией вспомнил, как вместе со своим итальянским шефом Пьетро Ди Дженнаро и еще парой таких же сумасшедших любителей свежатины каждые выходные отправлялся в ближайший прибрежный городок за добрых сто километров от раскопок. Там в заведении Il Moletto можно было отведать умопомрачительных морских гадов всех мастей. Само слово «молетто» было уменьшительным от «моло», что по-итальянски означает «волнорез». Название говорило само за себя. Столы в этом ресторане с видом на чудную бухту Сан-Стефано накрывались на узком, выдающемся далеко в море волнорезе, покрытом тиковым настилом, живописно изъеденным временем и солью.

Да, Столыцев любил вкусно поесть и очень ценил способствующий этому процессу антураж. Сегодняшний ужин тоже получился весьма недурным. За те несколько месяцев, что были посвящены кулинарному покорению Италии, Глеб понял, что главное в пасте, конечно, соус. И пускай в продаже нынче можно было найти довольно приличные готовые заправки, ему ли не знать, что, обсуждая социально опустившегося человека или его семью, итальянцы, дабы подчеркнуть всю меру нравственного падения несчастного, уничижительно говорят, что у него дома макароны едят с магазинным кетчупом! Из баночки!!! Бр-р-р! Ужас-ужас! Неудивительно, что Столыцев всегда готовил соус сам.

Не без сожаления выковыряв из раковины последнего моллюска и допив остаток розового вина, Глеб засел за письменный стол – разбирать бумаги.

Надо сказать, что одним лишь пристрастием к пасте и морепродуктам любовь Столыцева к Апеннинскому полуострову не ограничивалась. Глеб заслуженно слыл настоящим ита-лофилом. И не только потому, что пользовался туалетной водой от «Балдессарини» и сидел за рулем сильно подержанной, но чертовски элегантной «альфа-ромео» 156-й серии. После шести месяцев, проведенных в Италии, Глеб окончательно и бесповоротно влюбился в эту страну. И, как верный любовник, он, даже расставшись с предметом обожания, все равно находил для него свободный уголок в своем сердце. А потому жилище Глеба тут и там выдавало итальянскую душу хозяина: на стеллажах в гостиной теснились книги Данте, Гольдони и Д'Аннунцио, коллекция DVD пестрела лентами Антониони и братьев Тавиани, а стены были увешаны акварельными пейзажами Тосканы и Амальфитанского побережья. Наконец, пара симпатичных древнеримских богов домашнего очага – Пенатов, вышедших из-под руки гончарного мастера, по воскресным дням торговавшего на углу самой живописной в мире площади Пьяцца-дель-Кампо, что спряталась в сердце так и не проснувшейся от средневекового сна Сиены, украшали «фартук» его холостяцкой кухни прямо над электроплитой.

Иногда Глеб в шутку даже задавался вопросом: ну отчего судьбе было угодно, чтобы он по ошибке появился на свет так катастрофически далеко от того места, где ему следовало бы родиться и жить, ежедневно радуясь лазурному небу, стакану доброго кьянти и тарелке сырного ризотто.

В целом встреча с домом была очень радостной и волнующей, если бы не одно «но». Все надежды на то, что, вернувшись домой, он чудесным образом исцелится от этих странных видений, пошли прахом. Всякий раз, когда Глеб надолго касался той или иной вещи, он чувствовал какой-то дискомфорт. Ощущения чем-то отдаленно походили на те, что он испытал в больнице, только были намного слабее. Выходит, он способен воспринимать образы, связанные не только с живыми людьми, но и с неодушевленными предметами?

Он дал себе зарок назавтра сразу после пробуждения попытаться досконально во всем разобраться. Приведя свое рабочее место в порядок, Глеб отправился в душ. Через полчаса он блаженно растянулся на своей просторной кровати, по которой успел не на шутку соскучиться. Сон пришел почти мгновенно.

* * *

Утром после традиционного кофе он с некоторым волнением приступил к эксперименту. Сев на кровать, Глеб открыл лежащий на тумбочке бумажник и высыпал на одеяло мелочь. Затем откинулся на подушку и зажмурился. Сосредоточившись, он на ощупь взял одну из монет и крепко зажал в кулаке. Ого! Это уже не просто дискомфорт. Это какая-то бесконечная череда образов.словно пачка фотографий, лежащих одна на другой. Как бы рассмотреть их поодиночке? Надо попытаться расслабиться. Нет, все равно не получается. Картины слишком скоротечны и расплывчаты. Судя по всему, большинство людей не испытывают ни особых эмоций, ни ощущений, расставаясь с мелочью в супермаркете или киоске. Надо попробовать что-нибудь другое.

Подумав, Глеб вытащил из кладовки картонную коробку. Так, с чего начнем? Пожалуй, с крышки от старой бабкиной супницы – одного из немногочисленных предметов, уцелевших из дореволюционного сервиза, передаваемого в семье Стольцевых по наследству.

Глеб положил руку на прохладный фарфор. Сначала он совсем ничего не почувствовал. А через минуту ему стало плохо. Нет, речь шла не о физическом недомогании, а скорее о крайней форме сильнейшей психической депрессии. Глеб даже выронил крышку и чуть ее не разбил. Он уже пожалел о своей идее и о выборе предмета, но разыгравший в нем ученый как всегда требовал разобраться в вопросе до конца. Преодолевая себя, Глеб снова протянул ладонь. Возникшая картина была скудной и весьма нечеткой – только расплывчатый силуэт стола, заваленного каким-то барахлом, да ощущение горечи и полной безысходности. Да что же это такое? Кто и когда зарядил крышку этим бесконечным горем? Со времени переезда он впервые достал супницу из коробки. Значит, надо вспомнить, что с ней могло случиться до этого. Мало-помалу Глеб вспомнил, хотя и с большим трудом. Память человека устроена настолько мудро, что гуманно вытесняет наиболее неприятные моменты. Такие, как эти.

Сразу после развода они с Настей разменяли квартиру на две поменьше. Вещи паковали одновременно, разойдясь по разным комнатам. Только Ксюха, совершенно не понимая, что происходит, бегала туда-сюда и задавала вопросы, разрывающие сердца обоих родителей. В этот момент он, видимо, и принялся паковать старую супницу.

Стольцев попытался подытожить результат эксперимента. Переезд на новую квартиру после развода случился позапрошлым летом. Это означает, что он способен видеть и чувствовать образы, навеянные событиями многомесячной давности. Любопытное открытие. Впрочем, все это очень похоже на бред сумасшедшего. Нет, без помощи психолога здесь не обойтись. Глеб нашел визитку, что дала ему Ольга Борисовна, и набрал номер телефона. В трубке

ответил приятный женский голос. Договорившись о встрече вечером следующего дня, Глеб решил пройтись.

4. Клеопатра

Психолог принимала у себя дома. Для начала она, громко извинившись откуда-то из глубины квартиры, попросила Стольцева пять минут подождать в кабинете. Глеб скрасил ожидание, разглядывая книги. Библиотека была просто великолепной. На полках обнаружили латинско-русский и русско-латинский словари, а также потрясающей сохранности книга Даля «Пословицы русского народа», изданная аж в тысяча восемьсот шестьдесят втором году.

Наконец дверь открылась, и появилась сама хозяйка. Она оказалась эффектной брюнеткой в элегантных узких очках, из-под которых смотрели выразительные карие глаза с легким зеленоватым отливом. На безупречном греческом носу виднелись с полдюжины едва приметных веснушек, рассыпанных в художественном беспорядке. Нижняя губа была куда полнее и подвижнее верхней, с глубокой ложбинкой посередине. Под мышкой психологиня держала компьютер. Ну прямо Клеопатра с ноутбуком.

– Марина Бестужева. Можно просто Марина.

– Глеб Стольцев. Можно просто Глеб. А знаете, про фамилии вроде вашей раньше говорили: «Из бывших».

– Да уж. Моя семья натерпелась. И при царе, и потом. Но, как видите, господь упас...

В Стольцеве проснулся историк.

– Так, выходит, вы не однофамилица?.. – начал было он, но Клеопатра отмахнулась:

– У Бестужевых практически нет однофамильцев.

В категоричном ответе не было напыщенности, простая констатация.

– Ух ты! – сказал Глеб вслух, а про себя тут же припомнил как минимум с полдюжины Бестужевых, оставивших след в отечественной истории. Да, вот уж про кого точно можно сказать: «Девушка из хорошей семьи».

– Я вас слушаю, – перешла к делу хозяйка.

Глеб замялся.

– Понимаете, у меня раньше никогда не было причин обращаться за помощью к психологу.

– А теперь?

– А теперь повод, похоже, есть.

– Ну что ж, рассказывайте.

Хозяйка указала ему на удобное глубокое кресло, а сама села за стол напротив. Стол, под стать прочей обстановке, был невероятно изящным и жутко антикварным – настоящее произведение столярного искусства. Да и госпожа Бестужева, признал про себя Глеб, интерьеров тоже не портила. Он откинулся на спинку кресла и начал рассказывать:

– Это случилось сразу после того, как я пришел в себя. Трудно поверить, но после произошедшего со мной несчастного случая, прикоснувшись к человеку, я вижу то, что видел он в последние дни или часы. Вижу почти так же отчетливо и подробно, как сейчас вижу вас и ваш кабинет.

Глеб испытующе взглянул на собеседницу. Та, изредка вскидывая глаза, бесстрастно делала какие-то пометки в ноутбуке. Это обнадеживало. Больше всего Глеб опасался, что его поднимут на смех. Ободренный, он продолжил:

– Мало того, притрагиваясь к любому предмету, я не только вижу глазами тех людей, которые до меня брали его в руки, но и чувствую их мысли и даже слышу голоса. Причем в случае с неодушевленными предметами картины, которые я вижу, не ограничиваются несколькими днями или часами. Я вижу события, случившиеся многие месяцы, а возможно, даже годы тому назад.

Бестужева оторвалась от ноутбука.

– Очень даже интересно.

– Интересно? Боюсь, вы не совсем меня понимаете. Вчера вечером я отправился побродить по городу. Ушел довольно далеко от дома, решил вернуться на метро. Захожу, встаю на эскалатор и по привычке кладу руку на поручень. А теперь прикиньте, сколько людей за день успевают на него опереться. В итоге я, сам того не желая, становлюсь свидетелем целой череды картин, увиденных чьими-то чужими глазами: пригоревшие завтраки, обидные отказы побыстрому исполнить супружеский долг перед выходом на работу, утренние ссоры, ночные примирения... И все это за какие-то полминуты, пока я не убрал ладонь. В общем, у меня столько впечатлений, причем, заметьте, чужих впечатлений, что я всерьез опасаясь свихнуться.

Психолог сняла очки и принялась протирать стекла. Без оптики ее глаза казались еще прекрасней.

– Скажите, а какие медикаменты вы принимали в последнее время?

Глеб растерянно улыбнулся. А чего он, собственно, ожидал?

– Вы меня, верно, психом считаете. А я ведь специально пришел не к психиатру, а к психологу. Мне не диагноз нужен, а помощь. То, о чем я вам рассказываю, – не галлюцинации, а какая-то не поддающаяся пониманию реальность. Вы мне не верите?

Вместо ответа Бестужева пристально посмотрела ему в глаза, видимо, тщательно взвешивая этически выдержанный ответ. Тогда Глеб резко поднялся и решительно схватил со стола пепельницу. Затем снова сел и сосредоточенно закрыл глаза. Женщина, не говоря ни слова, внимательно наблюдала за происходящим.

Поначалу все усилия Глеба, казалось, были тщетными. Как выяснилось, волнение изрядно притупляет его чувствительность. Надо расслабиться. Он откинулся на спинку. Через минуту хозяйка кабинета уже беспокойно заерзала в своем кресле, как вдруг Глеб резко выпрямился и вполголоса произнес:

– Эту пепельницу совсем недавно держал в руках мужчина. Они с женой потеряли ребенка. Своего единственного ребенка...

Краешком глаза Глеб заметил, как Бестужева застыла в напряженной позе за столом. Тонкие пальцы, до этого столь проворно выстукивавшие какие-то комментарии по ходу его рассказа, неподвижно зависли над клавиатурой. Ну, может, хоть теперь поверит. Что она так долго молчит? Глеб в нетерпении встал и принялся разглядывать многочисленные старинные картины, сплошь покрытые ажурной сеткой кракелюр.

– Какие замечательные работы. Это оригиналы?

Ответа не последовало. Глеб не выдержал и, повернувшись, посмотрел психологу в глаза. Нет, кажется, впечатление он все-таки произвел. На породистом лице Бестужевой было написано неподдельное изумление. Так-то лучше. Ну, ладно. Тогда можно и оттянуть момент триумфа. Глеб снова уткнулся в картину и как ни в чем не бывало вежливо переспросил:

– Ради бога извините, так это подлинники?

– Конечно. Бестужевы через одного были художниками. – Голос Марины звучал немного сдавленно. – Это совершенно невероятно. Вчера на этом самом месте сидел и не переставая курил пациент, у которого совсем недавно погибла дочь, его единственный ребенок.

– Значит, психом вы меня больше не считаете?

Бестужева неуверенно помотала головой. Глеб кивнул в знак благодарности за такое признание. Психолог какое-то время продолжала пристально изучать собеседника. Глебу показалось, что прошло несколько долгих минут, прежде чем их разговор возобновился.

– Любопытно, любопытно. Скажите, а какого результата вы бы сами хотели от наших с вами встреч?

Глеб на секунду задумался.

– Уж если я не могу избавиться от этого неожиданного дара, наверное, стоит попытаться взять его под контроль. Например, постараться избегать ненужных видений. Научиться

как можно быстрее отстраняться, отгораживаться от подсмотренных мною чужих переживаний. Не принимать их близко к сердцу. А еще было бы интересно понять, каковы пределы моих возможностей.

Психолог одобрительно кивнула:

– Да, это весьма разумный подход.

– Так вы согласны копаться в потемках моей души?

– Фи. – Бестужева скроила рожицу, которая ее, впрочем, совсем не испортила. – Ну зачем же сразу копаться. Поверьте, психолог – не мужик с лопатой, разгребающий закоулки вашего подсознания. Нет. Его задача – зажечь слабую свечу, с тем чтобы вы смогли оглядеться и найти верный путь к выходу в своих же потемках... – Тут она очаровательно наморщила лоб и потянулась к ноутбуку. – Ой, здорово сказала. Надо записать.

– Говорите, осветить потемки? – вздохнув, переспросил Глеб. – Ну что ж, зажигайте вашу свечу.

* * *

Вторая встреча с психологом носила куда более практический характер.

– Сколько времени обычно проходит между моментом прикосновения и видением? – с ходу спросила Бестужева.

– Сразу после операции это происходило почти мгновенно. Затем время реакции несколько увеличилось.

– Выходит, ваши способности ослабевают?

– Не исключено. Пока не пойму.

– Пожалуйста, опишите ваши ощущения как можно подробнее.

Глеб прикрыл глаза, пытаясь поточнее восстановить в памяти очередность событий.

– Все начинается с какого-то внутреннего дискомфорта. Не могу описать словами. Потом появляется что-то похожее на смутное предчувствие. Ты понимаешь, что что-то должно произойти, но не знаешь, что именно. Это странное чувство постепенно усиливается, и примерно через полминуты, а иногда и быстрее, я уже способен увидеть образы во всех подробностях.

– Значит, у нас есть примерно двадцать – тридцать секунд, чтобы успеть отгородиться от ненужного видения, верно?

– Получается, что так.

Марина оторвалась от клавиатуры и задумалась.

– А что, если нам попробовать свести к минимуму физический контакт?

Стольцев всплеснул руками:

– Не перчатки же мне круглый год носить?

– Это совсем не обязательно. Для начала давайте поучимся избегать рукопожатий, особенно длительных. Вам ведь приходится сталкиваться с людьми, которые обожают стиснуть вам руку и трясти ее чуть ли не до посинения все то время, что происходит обмен новостями, не так ли? Вот мы и придумаем варианты противодействия.

– Ладно. В конце концов, англичане ведь тоже традиционно почти никогда не здороваются за руку, – грустно улыбнувшись, поддержал идею Глеб.

А Марина Бестужева тем временем отметила, что если мужчине так идет грустная ухмылка, насколько же хорош он будет, если радостно улыбнется во всю ширину этого слегка упрямого рта. Одернув себя и отогнав неподобающие психологу мысли, Бестужева обсудила с Глебом несколько приемлемых способов дипломатично избежать лишних прикосновений при встрече и расставании. Они даже проделали несколько забавных упражнений. Затем Марина взяла в руки пепельницу, по которой недавно «читал» Глеб, и задумчиво повертела ее в руках.

– У вас действительно поразительные способности. И сбывается мне, что очень скоро они заинтересуют окружающих.

Игнорируя немой вопрос во взгляде Глеба и, кажется, не желая вдаваться в объяснения, Марина вновь бодро застучала по клавишам. Наконец она объявила:

– А знаете, чем мы займемся в оставшееся время? Вы расскажете мне о себе. Подробно и с самого начала.

– Прямо-таки *ab ovo*? – поинтересовался Глеб и снова улыбнулся, на этот раз куда веселее.

– Да, именно, с самого первого дня, – улыбнувшись в ответ, сказала хозяйка кабинета, тоже некогда изучавшая основы латыни на психфаке. – А я пока поставлю чаю. Вам какого?

– А у вас есть с бергамотом?

После того как Марина утвердительно кивнула, Глеб решил, что ему, пожалуй, стоит поставить сеансы психотерапии на регулярную основу. Рассказав о своей жизни практически с самого рождения, Глеб и в самом деле почувствовал некоторое облегчение. Он с радостью договорился о следующей встрече.

5. Капитан

Сидя на больничном еще целую неделю, Глеб делил досуг между долгими прогулками по осенним бульварам, оздоровительными визитами к психологу и упоительным перечитыванием «Анналов» Тацита, которого ценил превыше любых других летописцев. Этот полный мелких радостей мини-отпуск в один прекрасный день был прерван необычно ранним звонком в дверь, разбудившим Глеба в восемь утра. До выхода на работу оставалось еще целых двое суток, и Глеб рассчитывал набраться сил и отоспаться впрок, но не тут-то было. Звонили настойчиво. Даже, пожалуй, сверх меры. Глеб, чертыхаясь, пошел открывать.

– Кто там?

– Следователь.

«Наверное, по поводу несчастного случая», – подумал Глеб, щелкая задвижкой.

На пороге стоял коренастый, крепко сбитый мужчина в мешковатых джинсах и потертой кожаной куртке. В руке он держал развернутое удостоверение.

– Капитан Лучко.

Глеб тоже представился. Затем он на всякий случай заглянул в «корочки» и снова поднял взгляд на гостя, отметив внимательные черные глаза, густые усы и глубокий шрам, порезавший левую щеку. Капитан перехватил направление взгляда и, почесав пальцами бледно-розовый рубец, без тени улыбки дежурно пошутил позаимствованной у барда строчкой:

– Шрам на роже, шрам на роже – для мужчин всего дороже...

Столыцев жестом пригласил его в комнату. Капитан цепким взглядом обвел жилище, как бы разговаривая при этом сам с собой:

– Глеб Григорьевич Столыцев, коренной москвич, судимостей не имеет. Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории Древнего мира Московского государственного университета...

– Спасибо, я в курсе, – отозвался Глеб, все еще позевывая. – Скажите, а чем, собственно, обязан? Это, видимо, как-то связано с тем инцидентом в каменоломне?

Лучко посмотрел на него с загадочным видом.

– В какой-то мере да. – Он выждал паузу, как бы собираясь с мыслями. – Гражданин Столыцев, до нас дошла информация о том, что вы обладаете некими... э-э... сверхъестественными способностями.

В голосе капитана Глебу послышалась едва уловимая ирония.

– Извините, а откуда пришел сигнал?

– От медиков. Это их обязанность.

– Что, до сих пор?

– Послушайте, гражданин Столыцев, – теперь в голосе Лучко зазвенели стальные нотки, – я и сам не люблю стукачей, но в данном случае имела место обычная в таких случаях докладная записка. Этическую тему на этом можно считать исчерпанной. Лично я вообще не верю ни в бога, ни в черта, ни тем более в экстрасенсов и психотерапевтов.

Последнее слово Лучко нарочито произнес с таким уничижительным акцентом, так что оно у него прозвучало как «психотэрапэутоу».

– Может, присядем? – Глеб жестом пригласил гостя к столу. Тот сел и перешел к сути:

– Я здесь не по своей инициативе, а по приказу. Случилась беда. Погиб подросток. Обычные следственные мероприятия пока ничего не дали. А тут как раз всплыло ваше имя. Вот и решили обратиться за помощью.

Столыцев слушал, ничего не понимая. Более того, у него сложилось ощущение, что капитан явно чего-то недоговаривает. Чего-то важного.

– Но кому и чем я могу быть полезен?

– Ну, поскольку у вас, как мне сказали, есть дар – притронуться и увидеть не знаю что, надеюсь, вы сможете оказать помощь следствию в поимке преступника.

Глеб опешил.

– Но я лишь совсем недавно обнаружил в себе эту способность и еще не знаю своих реальных возможностей. А чем вы, собственно, располагаете? У вас, видимо, есть нечто такое, к чему прикасался злоумышленник?

Тут капитан как-то странно замялся:

– В общем-то да.

Помешкав несколько секунд, Глеб кивнул.

– Ну хорошо, я попробую помочь. А улика у вас с собой?

– Не совсем. – В голосе Лучко опять послышалась легкая неуверенность.

– Ну ладно, привозите, когда сможете. Я сегодня весь день дома.

Следователь снова замялся и виновато улыбнулся.

– Видите ли, Глеб Григорьевич, у нас есть только... тело.

Не поверив своим ушам, Стольцев переспросил испуганным шепотом:

– Тело?

– Ну да, тело погибшего, – буднично пояснил капитан. – Убийца, понятное дело, его касался. Еще как, скажу вам, касался...

– Вы издеваетесь?

– Вовсе нет.

Голос Глеба наконец обрел утраченную твердость.

– Боюсь, я ничем не смогу вам помочь.

– Уверены?

– Абсолютно.

Пришел черед не на шутку обидеться капитану.

– Послушайте, а может, забудете на минуту о своем чистоплюйстве? Подумаешь, потрогать покойника! Что тут такого? А вдруг и в самом деле поможете следствию?

Стольцев едва сдержался, чтобы в голос не расхохотаться от абсурдности всей этой ситуации.

– Что? Трупы щупать? Нет уж, увольте.

Уязвленный капитан резко встал из-за стола и направился к выходу.

– Как знаете.

Уже в дверях он повернулся и, обращаясь даже не к Глебу, а к стенам прихожей, бросил в сердцах:

– Вы сейчас не мне лично отказали в помощи и даже не следствию, а жертвам будущих преступлений. А они обязательно случатся, даже не сомневайтесь. Счастливых сновидений, Глеб Григорьевич.

С этими словами капитан вышел, не прикрыв дверь. Были слышны его удаляющиеся шаги. После секундного колебания Глеб не выдержал и бросился вдогонку.

– Пойдите! Дайте мне хотя бы побриться и выпить кофе...

* * *

Через двадцать минут, сидя на заднем сиденье служебного «форда», Глеб, украдкой глядя на щеку капитана, думал о том, что шрамы на лице бывают двух типов: обезображивающие и придающие мужественности. Шрам Лучко, определенно, относился ко второй группе.

Пытаясь отвлечь себя от неприятных мыслей о том, чем ему предстоит заняться в морге, Глеб поинтересовался у своего спутника:

– А как мне к вам обращаться?

– Можно просто Виктор.

– Скажите, Виктор, любопытства ради, а вам часто доводится прибегать к помощи людей со всякими необычными способностями?

– Лично мне просить «психотерапевта» о помощи в расследовании приходится впервые.

– Так чему же тогда я обязан такой честью?

Капитан ответил не сразу:

– Уж коли вы согласились помочь, думаю, вам будет полезно узнать. Есть основания предполагать, что мы имеем дело с серийным убийцей. Моя обязанность – проверить эту версию, используя любые доступные средства.

– Включая меня? – растерянно уточнил Глеб.

Лучко в ответ бодро кивнул.

* * *

Морг оказался еще более мрачным и зловещим, чем его рисовало воображение Глеба. Для того чтобы через служебный вход попасть внутрь, надо было сначала пройти каким-то жутким длинным коридором, в одном из закоулков которого небольшая собачонка неведомой породы, погавкав для порядка, с аппетитом захрустела косточкой.

«Надеюсь, эта кость куплена в магазине, а не?..» – подумал Глеб. Лучко наклонился и ласково потрепал псину за уши. Пару раз из вежливости вильнув хвостом, собака продолжила трапезу.

Бесконечный коридор уперся в обитую дерматином дверь. В обшарпанном помещении горели тусклые лампы и стоял стойкий запах дезинфицирующих средств.

Из-за занавески вынырнул седой как лунь дядька в халате и перчатках. Особое впечатление производил халат. Он, судя по всему, чего только не повидал. За такой прикид художник по костюмам из фильма «Техасская резня бензопилой» мог бы легко претендовать на «Оскара», тоскливо подумал Глеб и ощутил легкий приступ тошноты.

– Судмедэксперт Семенов, – представил дядьку капитан. – Более известный как Семеныч.

Глеб тоже представился. Семеныч только слегка осклабился в ответ и, слава богу, руку протягивать не стал.

Отодвинув занавеску, судмедэксперт первым прошмыгнул внутрь обложенной кафелем комнаты. Лучко и Глеб последовали за ним.

– Семеныч у нас что-то вроде министра внутренних дел, – хмыкнув, пояснил капитан.

– В каком смысле? – не понял Глеб.

– А в том смысле, что посвятил себя изучению... внутренностей. – И капитан по-свойски хлопнул «министра» по плечу. – Ты, главное, ничему не удивляйся. Гражданин Стольцев – экстрасенс. У меня приказ Деда вместе с ним еще раз осмотреть тело.

– Но я сам еще не закончил, только-только разобрался с шейным отделом. – Судмедэксперт был явно недоволен вторжением в его планы.

– И что скажешь?

– Почерк идентичен, это факт. Повреждения скелета аналогичны предыдущим. В остальном дождись окончательных результатов. А пока, будь другом, не отвлекай.

– Семеныч, у меня времени в обрез. Я же говорю, это – экстрасенс. Мы не собираемся отбирать у тебя хлеб и копать в кишках. Нам всего-то и нужно слегка пощупать тело.

– Пощупать?

– Ага.

Судмедэксперт посмотрел на Глеба со смесью любопытства и легкой брезгливости, подошел к одному из огромных шкафов, открыл дверцу и выкатил тележку. Сбросив клеенку, он широким жестом обвел то, что лежало под ней.

– Наслаждайтесь!

Хмыкнув, Семеныч удалился, едва слышно процедив сквозь зубы:

– Мля, маньяк на маньяке...

«И за что мне все это? – с грустью подумал Глеб. – Ладно. Раз уж согласился, надо сделать то, зачем приехали».

Лучко подошел к тележке и сухо затараторил:

– Вадим Грачев, пятнадцати лет, проживал по адресу...

– Господи, еще совсем ребенок, – ужаснулся Глеб.

– Я вам больше того скажу, Глеб Григорьевич, убийца, похоже, «работает» исключительно с молодежью, – деловито подтвердил капитан.

– А можно попросить перчатки?

Сама мысль о том, что придется прикасаться к мертвецу, все еще вызывала легкую оторопь.

– Не вопрос, – кивнув, ответил Лучко.

Капитан вышел. Пока его не было, Глеб с содроганием осматривал лежащий на тележке труп. Юноша при жизни был великолепно физически развитым, спортивным парнем: прекрасные мышцы брюшного пресса, мощные бедра, тренированные плечи и руки. Просто мертвый Давид! Какой же силой должен обладать преступник, чтобы расправиться с таким крепышом?

Лучко вернулся с двумя парами резиновых перчаток. Глеб взял одну и натянул чуть ли не по самый локоть. Потом закрыл глаза и медленно опустил порядком трясущуюся руку на грудь покойного. Попытался сосредоточиться. Ничего. Ноль ощущений!

Он беспомощно покачал головой.

– Наверное, с мертвым телом у меня ничего не выйдет. Ведь я вижу либо образы, запечатленные на неодушевленном предмете, либо то, что видел и чувствовал живой человек, с которым я вошел в контакт...

– Да вы не волнуйтесь так, постарайтесь расслабиться. И попробуйте еще раз. Поймите, это очень важно, – настаивал капитан.

Стольцев без особого энтузиазма повторил попытку. Снова безрезультатно.

– А вы, Глеб Григорьевич, попробуйте голыми руками, – посоветовал Лучко.

Этого-то Глеб и боялся. Он нехотя стянул перчатки, потоптался у тележки, потом сделал над собой усилие и коснулся убитого – на этот раз головы. Снова ничего. Прошло еще немало времени, прежде чем ему удалось полностью успокоиться и сосредоточиться. Поморщившись, Глеб перешел к шее. И тут же почувствовал, как внутри нарастает страх.

Глеба будто передернуло от электрического разряда. Затем он провалился в какую-то полутьму. И в этой полутьме некто очень сильный мертвой хваткой сдавил ему шею. Глеб отчаянно пытался разжать душившие его руки. Одна из них массивным предплечьем больно давила на кисть, а другая упиралась в затылок. Неимоверным усилием ему на секунду удалось оторвать руку душителя от своей шеи. В отчаянной попытке освободиться Глеб, изловчившись, постарался укунить противника за руку, но зубы наткнулись на что-то твердое и с лязганьем соскользнули. Еще с полминуты он продолжал бороться изо всех сил. Затем Глеба точно кувалдой чем-то огрели по виску, и он на миг ослабил сопротивление. Руки снова сомкнулись на его шее. Опять стало нечем дышать. Глеб почувствовал, что теряет сознание...

* * *

Он пришел в себя, кашляя и дико озираясь. Над ним с ваткой, пропитанной нашатырем, колдовал Семеныч.

– Посмотрите, какой впечатлительный!

Звуки доходили до Глеба с трудом, будто уши были чем-то заткнуты. Лучко тряхнул его за плечо:

- С вами все в порядке?
- Вроде да.
- Отлично. Можете встать?
- Попытаюсь.

Ноги немного дрожали, но в остальном все, кажется, было в норме.

- Ну, и что же вы видели?

Глеб посмотрел в глаза капитану и честно доложил:

- Свою смерть.
- В каком смысле? – слегка опешив, спросил Лучко.
- Глеб все еще слегка хрипел от удушья.
- В прямом. Меня задушили.
- Прямо Стивен Кинг какой-то.

Было неясно, шутит Лучко или находится под впечатлением от услышанного.

– То есть задушили, конечно, не меня, а этого парня, – пояснил Глеб. – Но я, верите или нет, прочувствовал все на собственной шее.

- А чем душили-то?
- Вроде руками.
- Голыми руками?

– Я бы даже сказал, ручищами, – уточнил Глеб, вспомнив размер предплечья, давившего ему на кадык. Затем он сбивчиво изложил всплывающие в памяти подробности. – А еще меня ударили чем-то увесистым в висок. Похоже, каким-то металлическим предметом.

Капитан схватил ручку и блокнот.

- Тяжелым предметом? А чем конкретно?
- Этого я, к сожалению, сказать не могу.
- А приметы? Удалось разглядеть убийцу?

Глеб виновато отвел взгляд.

- Только руку.

Лучко не мог скрыть разочарования.

- А лицо?

- Убийца душил меня сзади. Как я мог его увидеть?

Глебу было неловко оправдываться, но он и правда чувствовал себя виноватым.

- Ну хорошо. А где все происходило? Дома, на улице?

Столыцев сосредоточился.

- В автомашине, – неуверенно сказал он. – Да, точно, в автомашине.
- Что за машина-то?

- Марку я, конечно, не разглядел.

- Ну а хоть что-то разглядел? – Капитан незаметно перешел на «ты».

- Только то, что я, в смысле убитый, сидел на пассажирском сиденье спереди.

– Это уже кое-что. На заднем сиденье обычно милуются по согласию. А на переднем сподручнее внезапно напасть и снасильничать. Другими словами, убийца и его жертва, – тут Лучко заглянул в протокол, – ...э-э... Грачев Вадим Николаевич, могли быть вообще незнакомы друг с другом. Ладно, говоришь, руку видел. Что за рука?

– Говорю же, здоровенная такая. – Глеб рыбацким жестом развел ладони далеко в стороны, затем, поймав скептический взгляд капитана, слегка свел их вместе.

- Какие-нибудь шрамы, наколки? – с надеждой спросил Лучко.
- Вроде не заметил. Да, еще на большом пальце был пластырь. Узенький такой, бежевый.
- О, это по-настоящему существенный момент.

В голосе Лучко слышалась неприкрытая издевка. Глеб посмотрел капитану в глаза и понял, что тот не верит ни единому его слову.

– Вы просили меня помочь, и я честно попытался.

– Ну что ж, спасибо за попытку.

Прощавшись с Семенычем, они вышли на улицу. В машине капитан назвал водителю адрес Стольцева и, насупившись, отодвинулся в противоположный угол заднего сиденья. Глеб и сам был донельзя расстроен таким фиаско. Всю обратную дорогу оба не проронили ни слова.

* * *

До самого вечера Стольцев старался не вспоминать о том, что с ним сегодня произошло, и просидел за книгами, готовясь к первой после несчастного случая встрече со студентами. А надо сказать, Глеб никогда не читал одну и ту же лекцию дважды. Даже если приходилось повторять прошлогодний учебный курс, он всегда перекраивал лекционный материал. Из принципа. Во-первых, это стимулировало отдельных студентов прослушать тему еще раз, но уже в новом ключе. А во-вторых, это позволяло не застаиваться ему самому. Глеб был единственным преподавателем кафедры, а может, и всего университета, кто каждый раз в сентябре чуть ли не на коленях упрашивал руководство дать ему возможность прочитать новый для него курс. Обычно коллеги поступали строго наоборот: один раз составив приличный конспект, они старались до самой пенсии год за годом читать одно и то же. Глеб же давным-давно дал себе зарок: как только поймет, что дважды без изменений повторил одну и ту же лекцию, надо будет срочно менять работу или уходить на покой.

Время за книгами пролетело незаметно. Уже перед сном, чистя зубы, Глеб заметил какое-то пятно на виске. Странно – пятно появилось в том самом месте, куда он получил удар во время видения в морге. Ну-ка, ну-ка... Глеб развернул светильник и слегка растянул кожу пальцами. То, что он увидел в зеркале, заставило его бросить зубную щетку и бегом кинуться к телефону.

* * *

Виктор Лучко тоже не спал. Дождавшись, пока домашние улеглись, капитан сел перед телевизором, выключив звук. Шум его отвлекал, а вот мелькающие картинки стимулировали ход мысли, помогая восстановить события последних суток.

Вчера утром капитана неожиданно вызвал к себе в кабинет начальник городского следственного управления генерал Дедов, или попросту Дед. По приказу генерала капитан Лучко и еще двое переданных ему в подчинение оперативников должны были срочно оказать помощь следователям Северного административного округа. Причиной усиления окружной следственной бригады был доклад о том, что, по предварительному мнению экспертов, картина преступления очень напоминает два схожих и до сих пор нераскрытых убийства, произошедших в округе за последний год. Таким образом, Лучко, не поднимая особого шума, предстояло на месте разобраться в том, как эти три дела связаны между собой.

Надо сказать, порученная капитану миссия была весьма деликатной. С одной стороны, следователи имели все основания предполагать, что подростки стали жертвой одного и того же преступника. С другой стороны – закон, как известно, подозрений не приемлет. Нужны веские доказательства. А раздобыть их будет очень непросто, особенно если учитывать малочисленность переданных в его распоряжение сотрудников. Оно и понятно – Дедов не хотел привлекать внимание к расследованию, всеми силами пытаясь избежать ненужной огласки. Генерал лучше кого бы то ни было знал, что любая информация о серийном убийце – лакомый кусок для журналистов и повод для лишнего ажиотажа, который только помешает работе. Впрочем, Лучко

считал, что тут Дед сам себе противоречил. Помимо возможной утечки информации в СМИ через кого-то из своих, дополнительным фактором риска стало весьма неожиданное решение генерала привлечь к сотрудничеству экстрасенса. Впрочем Деда можно понять. От него сверху жестко требовали повышения раскрываемости и прочих показателей, так что генералу сейчас только маньяка не доставало. Вот он и хватается за любую возможность. Да и, положив руку на сердце, стоило признать, что если Дедов и в самом деле жаждал быстрого результата в этом расследовании, то без помощи чуда было просто не обойтись.

Посвятив весь вчерашний день изучению материалов и общению с экспертами, Лучко пришел к неутешительному выводу о том, что на выполнение поставленной перед ним задачи уйдут многие месяцы, а результат при этом может оказаться нулевым. До сих пор предполагаемый убийца не оставлял после себя никаких улик: ни отпечатков, ни волос, ни крови. Настоящий аккуратист. Причем с развитым чувством прекрасного – каждый раз выбирает симпатичных, спортивных молодых ребят, с хорошей фигурой и крепким телом. Эдакий изверг-эстет.

Капитан столовой ложкой зачерпнул изрядную порцию вишневого варенья из литровой банки и, смакуя, отправил в рот. Коллеги регулярно подтрунивали над его неожиданной для матерого следака слабостью к сладкому и даже называли за глаза Винни-Пухом. В их профессиональной среде излюбленным релаксантом всегда был алкоголь. Однако бывший боец ОМОНа Виктор Лучко прекрасно знал, что стресс превосходно снимается еще и сахаром. Он пристрастился к сладкому на войне, когда любая выпивка могла ослабить реакцию и нарушить координацию движений. И хотя те лихие годы остались далеко позади и нынче он, по собственному определению, из бывшего бойца превратился в бумажную крысу, привычки капитана не изменились.

Лучко снова сосредоточился на обстоятельствах дела. Первым тревогу поднял судмедэксперт Семенов. Он обратил внимание на явное сходство между двумя преступлениями, совершенными за последние месяцы. У обеих жертв, погибших от удушения, полностью отсутствовала странгуляционная борозда, то есть след от удавки, веревки или иного орудия убийства. При этом в обоих случаях были обнаружены переломы подъязычной кости и щитовидного хряща – такое случается, когда шею сдавливают руками.

Что касается мест преступления, то оба тела были обнаружены возле автомагистралей. Следовательно, сами убийства могли произойти где угодно, а трупы просто были выброшены из автомашины. Зацепиться в таких условиях было абсолютно не за что. В общем, пока эксперты со следователями гадали, что да как, случилось третье убийство. И снова как под копирку.

Следователь вздохнул и отправил в рот очередную ложку варенья. Да, после такого денька, как сегодня, совершенно необходимо расслабиться. Что же у него есть на данный момент? Бугай-педофил, способный быстро и без шума голыми руками придушить крепкого парня. Трупы всякий раз появляются в новом месте, но всегда недалеко от Ленинградского шоссе. Это уже кое-что. Известно, что серийные убийцы чаще всего нападают на своих жертв неподалеку от собственного дома, однако тщательно соблюдая при этом границы так называемой буферной зоны. Преступники руководствуются правилом «не гадь там, где живешь» и избегают выходить на дело совсем близко от места жительства, боясь, что их заметит кто-нибудь из знакомых. Капитан даже где-то читал, что пчелы, например, тоже избегают собирать нектар поблизости от улья, дабы не указать хищникам на его местоположение. Любопытно. Выходит, наблюдая за пчелами, можно сделать выводы о моделях поведения убийцы?

Мысли капитана вернулись к материалам расследования. Лучко за последние сутки несколько раз внимательно перечитал дело и выучил его почти наизусть. С самого начала было совершенно очевидно: Ленинградское шоссе такое длинное, что выйти на след маньяка по территориальному принципу, увы, не получится. Надо искать другие варианты.

Все погибшие проживали в разных районах. Единственное, что их на первый взгляд объединяло, – место обнаружения тела и любовь к спорту. Все до единого регулярно посещали спортивные секции. Но вся штука в том, что спортом в городе занимаются десятки тысяч подростков. Так отчего же погибли именно эти трое?

Первым в списке жертв значился тринадцатилетний Александр Шустов. Погибший проживал на востоке Москвы – в Сокольниках. Учился там же. Занимался сразу несколькими видами спорта, особенно активно – теннисом. Был записан в клуб недалеко от дома. Пропал сразу после очередной тренировки. Последний раз Шустова видели, когда он выходил из дверей спорткомплекса. Наутро его труп нашли в Ховрине, то есть там, где Ленинградка почти упирается в кольцевую.

Второе тело обнаружили возле автобусной остановки, аж за Химками, в четырнадцати километрах от Москвы все по тому же Ленинградскому шоссе. Впрочем, благодаря административным причудам эта удаленная территория также была подведомственна Северному округу столицы. Погибшим оказался пятнадцатилетний Дмитрий Поляков. Юноша жил и учился на западе Москвы, в Крылатском. Увлекался скалолазанием, регулярно посещал скалодром в соседнем Кунцеве. По воспоминаниям близких и знакомых, для своего возраста был очень вынослив, силен и обладал по-настоящему бойцовским характером. В день своего исчезновения Поляков участвовал в состязаниях и даже победил, несмотря на то что повредил локоть в одной из попыток. До дома, однако, этот первый завоеванный в жизни кубок ему довести так и не удалось. Как вышло, что этот волевой тренированный парень не сумел постоять за себя? Непонятно.

Наконец, последняя жертва – Вадим Грачев. Проживал и учился в Хамовниках – это в центре. Как и остальные, был заядлым спортсменом, увлекался футболом. Ездил тренироваться на стадион «Наука» неподалеку от метро «Войковская». Это северная часть города. Ранним утром вышел из дома. Сразу после школы поехал на игру. После матча видели, как он входит в метро. Куда он направлялся? Домой? Куда-то еще? Тело нашли неподалеку от Речного вокзала. Опять в двух шагах от злосчастной трассы Москва – Питер. Никаких следов борьбы на траве не обнаружено. Значит, тело, скорее всего, снова выбросили из машины.

Капитан взял карандаш и для наглядности набросал список округов, где проживали погибшие: Восточный, Западный, Центральный. При этом все три тела были найдены в северной части города. Лучко наморщил лоб и невидящим взглядом уставился в телевизор.

Так где и как убийца высматривает своих будущих жертв? Посещает юниорские соревнования? Околачивается возле детских спортивных школ? Допустим. Хотя и совсем не обязательно. Возможно, преступник подмечает фигуристых ребят просто на улице, в кафе, да где угодно. Затем дожидается, пока юноша останется один, – и готово. А если верить тому, что сегодня в морге наболтал этот ненормальный Стольцев, то убийца вообще может заниматься частным извозом и заманивать молодых парней к себе в машину. Да, Дед прав, им срочно нужна хоть какая-то примета. Ну хоть шрам, хоть родинка. Но до сих пор ничего. А ведь он в глубине души, пусть и оставался скептиком, но все же рассчитывал на этого чертового «психотерапевта». Как оказалось, зря.

Лучко уже погасил свет и отправился в спальню, когда услышал, как зазвенел оставленный в прихожей мобильный. Капитан взглянул на определившийся номер. Звонил тот самый экстрасенс-неудачник. Ну что у него там еще?

– Виктор, здравствуйте! Это Стольцев. Извините за столь поздний звонок, но у меня неотложное дело.

Голос в трубке задышался от волнения.

– Да, Глеб, я слушаю.

– Скажите, вы уже читали результаты вскрытия и осмотра тела?

– Пока нет. А что?

– Помните, я рассказывал, что во время видения почувствовал сильный удар в голову?

– Припоминаю.

– Ну так вот. Вы не поверите: у меня на виске отпечатался след от рельефного предмета, причем довольно четко. Похоже на небольшой круг. Внутри смутно различимы какие-то знаки. Я подумал, если уж на коже живого человека след виден так хорошо, то на коже покойника наверняка можно разглядеть еще больше деталей.

– Хм, – это было все, что смог выдавить из себя Лучко. Первой его реакцией было предложить собеседнику впредь не читать на сон грядущий детективных романов, однако капитан проявил несвойственную ему сдержанность. – Хорошо, утром я позвоню в морг и уточню. Хотя не думаю, чтобы опытный Семенов мог не заметить такой след.

– Так в том-то все и дело, что у меня это место на виду, а у того парня, у Грачева, оно под волосами.

– Ладно, проверим. Спасибо за информацию, Глеб Григорьевич.

Лучко выключил телефон. Нет, у этого парня точно не все дома. След он у себя увидел, это ж надо! Капитан снова отправился в спальню, где еще часа полтора не мог уснуть. Он смутно припомнил давний разговор с экспертом, утверждавшим, что повреждения на коже покойника, например, та же strangulation борозда, зачастую проявляются далеко не сразу, а лишь на вторые-третьи сутки.

Мысли, как тараканы, то разбегались в разные стороны, то снова сплетались в тесный клубок. Ему просто позарез нужна зацепка. Любая ниточка. Завтра первым делом надо будет позвонить Семенычу. Мало ли что.

Лучко еще не знал, что взволнованный судмедэксперт сам разбудит его ранним звонком.

* * *

После всех переживаний этого бесконечно долгого дня Глеб уснул почти сразу, как только коснулся головой подушки. Однако желанного забвения ночь не принесла. Вскоре он проснулся в холодном поту. Взглянул на часы. Только половина второго. Ну и ну! В ночном кошмаре Глеб еще раз во всех деталях пережил все то, что привиделось ему в морге. Сердце просто вырывалось из груди, вся подушка и простыни промокли от пота.

Надо успокоиться. Это всего лишь сон. С ним все в порядке. Но почему его так тошнит? И что это за отдаленно знакомый запах заполнил спальню? Где-то он его уже слышал и совсем недавно. Уж не в морге ли? В той машине, где его задушили? Нет, конечно, не его, а этого паренька – Вадима Грачева. Да, точно. Именно тогда он и почувствовал похожий запах. Надо попробовать его описать. Букет довольно необычный. Будто ешь мед и запиваешь зеленым чаем. Не выдержав, Глеб вскочил и растворил окно спальни настежь. Да уж, иначе как удушающим такой аромат и не назовешь.

Сна не было ни в одном глазу. Очень не хотелось пережить все это еще раз. Глеб отправился на кухню. Про коллекцию зеленого чая было противно даже подумать и, чтобы избежать омерзительных ассоциаций, он налил себе чашку каркаде.

Начинало светать. Глеб раздвинул занавески и посмотрел на едва пробуждающийся город. Из радиоприемника тихо звучала старенькая песенка Энии под названием Book Of Days – «Книга Дней». Эх, если бы и впрямь можно было взять и вырвать из жизни вчерашнюю страницу.

6. День рождения Цеце

Античную историю по программе изучали на первом же курсе. Глебу очень нравилось работать с новоиспеченными студентами. Во-первых, они слушали раскрыв рот. А во-вторых, понятное дело, от их академического рвения уже к началу – ну или, самое позднее, к середине второго курса – не оставалось и следа.

*Capre appetit – «Лови год!» – переиначивая Горация, говорил по этому поводу падкий до афоризмов Буре, тоже питавший нежные чувства к жадным до науки первокурсникам. Между собой они в шутку называли их тем же словом *tirones*, каким в римской армии некогда звали салаг-новобранцев. Прозвище было скорее ласкательным, поскольку преподавателям, конечно, льстили и повышенное внимание слушателей, и битком набитые классы. Однако сегодня, вопреки ожиданиям, места в аудитории были заполнены едва ли наполовину.*

«Надо же, разболтались, едва начав учиться», – недовольно подумал Глеб, закрывая за собой дверь одновременно со звонком.

Студенты с любопытством принялись разглядывать нового лектора. Отношение к преподавательскому гардеробу на кафедре было более чем либеральным – одевались кто во что горазд. Глеб предпочитал крепкие походные ботинки, мягкие удобные слаксы, клетчатые сорочки и мешковатые вельветовые пиджаки ярких расцветок. В свое время он беззастенчиво слямзил манеру одеваться у своего итальянского шефа Пьетро Ди Дженнаро. Одежда дона Пьетро, как шутливо-уважительно звали этого уроженца Сицилии коллеги, всегда напоминала гибрид между облачением аргентинского гаучо и сценическим костюмом артиста эстрады. В академической среде за Ди Дженнаро прочно закрепилось прозвище Инди – за портретное и идеологическое сходство с Индианой Джонсом. Да, Глебу тоже немало бы польстило, нареки его так студенты. Хотя и Светоний тоже весьма почетно.

Глеб представился и объявил тему лекции. Тут же остро ощутил, насколько успел соскучиться по любимому делу. Стольцев одинаково обожал как саму историю, так и работу преподавателя и про себя часто сравнивал трибуну лектора с театральной сценой. Без некоторого дара лицедейства вы, конечно, можете стать ученым, но педагогом – никогда. Чтобы зажечь, нужно гореть самому и источать жар, даже когда не очень-то и хочется. А жадой сцены и актерским даром кандидат исторических наук Глеб Стольцев уж точно не был обделен.

Сегодня по плану ему выпало рассказывать о политическом устройстве Древних Афин. Большинство студентов прилежно слушали и делали пометки в тетрадах, тогда как небольшая группа сидящих на «камчатке» девушек постоянно перешептывалась и отвлекалась. Потеряв в какой-то момент терпение, Глеб решил привлечь их внимание:

– Коллеги, – это обращение он использовал, даже общаясь с первокурсниками, – я прошу относиться к предмету с подобающим уважением. Это ваш будущий хлеб.

Речь должного действия не возымела, и Глебу пришлось поменять тактику.

– К тому же глубокое знание истории не только позволит без лишнего напряжения справиться с зачетно-экзаменационной сессией, но и, представьте, может сильно пригодиться даже в личной жизни!

Последний аргумент, кажется, всерьез заинтересовал собравшихся. Аудитория затихла. Одна студентка, сидевшая дальше всех, весьма энергичная особа, подняв для порядка руку, вступила в дискуссию:

– Насчет того, кто и как заработает будущий хлеб, нам с вами, Глеб Григорьевич, неведомо. А вот насчет пользы от знания истории в личной жизни, с этого места, – тут она обвела глазами аудиторию, – просим поподробней. – Девушка явно была кем-то вроде предводительницы. Она властно посмотрела на соседку. – Просим?

– О-очень просим! – отреагировала та с утрированным энтузиазмом.

Надо сказать, студенты нередко по разным поводам бросают вызов преподавателям. Стольцев в таких случаях никогда не уходил в сторону. Не дрогнул он и сейчас. Глеб приосанился и почувствовал себя актером МХАТа.

– Друзья мои, история – это наше с вами всё! Как писал Сервантес: «История – мать истины, соперница времени, сокровищница деяний, свидетельница прошлого, пример настоящему и предостережение будущему!»

Оглядев зал после этой фундаментальной тирады, Глеб убедился в том, что наконец-то в полной мере завладел вниманием присутствующих, и продолжил:

– В это трудно поверить, однако всё или почти всё, что происходит с нами, уже много-много раз случалось с кем-то другим. И именно доскональное знание исторических прецедентов помогает избежать как глобальных социально-политических просчетов, так и наших личных ошибок. И пускай некогда с блеском преподававший в этих стенах многоуважаемый Василий Осипович Ключевский завещал нам, что «история не учит, а только наказывает за незнание уроков», мы позволим себе не согласиться с этим утверждением.

Бойкая студентка не сдавалась:

– Глеб Григорьевич, ну каким образом знание античной истории – предмета, которым, как нам рассказали старшекурсники, вы великолепно владеете, помогут мне, живущей в двадцать первом веке, сделать правильный выбор? Например, решить, идти ли сегодня вечером на приватную вечеринку с малознакомым человеком?

Вопрос вызвал оживление и даже отдельные смешки. Глеб бесстрашно поднял брошенную ему перчатку:

– О, не скажите. Вы недооцениваете историческую науку.

Стало совсем тихо. Теперь все без исключения студенты внимательно следили за возникшей полемикой. Вот и прекрасно! Глеб подпустил в голос еще чуть-чуть воодушевления:

– Приведу яркий пример похожей ситуации. Вам, конечно, знакомо имя Марка Лициния Красса, разбившего Спартака и приказавшего затем распять вдоль Аппиевой дороги шесть тысяч пленных рабов, участвовавших в восстании? А теперь припомним, как кончил свои дни сам Красс. В пятьдесят третьем году до нашей эры его армия потерпела поражение в сражении с парфянами при Каррах. Одержав победу, коварные парфяне предложили полководцу приехать к ним в лагерь якобы для переговоров. Доверчивый Красс согласился и был вероломно убит. Что скажете? Разве не чувствуется прямая аналогия?

– Но при чем здесь вечеринка? – робко поинтересовался мужской голос из первых рядов. Глебу пришлось перейти к круговой обороне.

– Ну как же. Каррская битва, как известно, закончилась после заката. Стыдно не помнить...

Девушка с «камчатки» снова попыталась перехватить инициативу:

– Глеб Григорьевич, но это как-то все очень отдалено от нас и по времени, и по расстоянию. Неужели у историка вашего уровня не найдется примера получше?

Тут Глеб и сам почувствовал себя Крассом, безнадежно проигрывающим битву злым парфянам. Он предпринял обходной маневр:

– Ладно, как скажете. Не будем ходить за примером так далеко – заглянем в анналы истории нашего собственного отечества.

– Давайте! – поддакнула дерзкая девчонка.

Впрочем, Глеб Стольцев уже обрел утраченное было на мгновение самообладание и чувство юмора.

– Вспомним печальный тысяча двести двадцать третий год и битву на реке Калке. Басурмане обложили русский стан. Три дня храбро бились наши витязи, после чего начались переговоры. По преданию, татары пообещали русским князьям, что не прольют ни капли их крови, если те сложат оружие, и даже пригласили князей на совместную трапезу. Чем не вечеринка?

Услышав одобрительный гул и выдержав выверенную паузу, которой позавидовал бы сам Качалов, он продолжил:

– Однако что же случилось, когда русские, сложив оружие, явились, как и было условлено? Татары схватили наших витязей, связали, положили на землю, покрыли настилом и уселись сверху пировать. И веселились несколько дней кряду, пока все пленники не задохнулись! Причем формально татары даже сдержали обещание: они действительно не пролили ни капли княжьей крови.

Аудитория отозвалась скорбным вздохом. Но студентка не сдавалась:

– И какой же я должна сделать вывод из этого... э-э... исторического прецедента?

Стольцев снова выдержал назидательную паузу.

– На чужую территорию – только с оружием или надежной защитой!

В ответ девушка украдкой продемонстрировала подружке раскрытую сумочку, на дне которой обнаружился презерватив, судя по состоянию упаковки, проболтавшийся там невос требованным не один месяц и служивший скорее символом самоутверждения, нежели реальной необходимостью. Подружка расхохоталась, вызвав цепную реакцию аудитории. Глеб не знал истинной причины веселья и снова был вынужден проявить чудеса хладнокровия.

– Отсюда мораль: никаких вечеринок с незнакомцами! Исторический опыт говорит нам, что принимающая сторона может коварно нарушить взятые на себя обязательства.

– И что же нам остается?

Его юная оппонентка упорно продолжала контролировать ситуацию. Глеб с тоской вспомнил, что в Древней Спарте учителя в качестве наказания больно кусали нерадивых учеников за большой палец, и про себя посетовал на отсутствие столь действенного воспитательного приема в арсенале современных преподавателей. Он краем глаза взглянул на часы. До звонка меньше минуты. Нет, последнее слово должно остаться за ним.

– Коллеги, есть смысл остановить выбор на театре, кино или концерте. Там вас никто не удержит против воли, как это сделали вероломные татаро-монголы с русскими князьями. И уж точно в этом случае никто не... э-э... не усядется на вас пировать! Так что, зная историю, всегда гораздо легче сделать правильный выбор, – торжественно закончил свою мысль Глеб.

Неугомонная студентка и ее соседка с чувством переглянулись и вынесли решение хором:

– Вечеринка, однозначно!

Под общий хохот прозвенел звонок. А Глеб подумал, что подобные дуэли педагоги выигрывают далеко не всегда, но даже проиграть нужно уметь достойно. Черт возьми, все же у него прекрасная работа!

Позже, из любопытства расспросив коллег, Стольцев выяснил личность своей оппонентки. Девушку звали Зинаида Беляк. Интересно узнать, что же на самом деле скрывается за этой показной дерзостью и бравадой.

* * *

Весь следующий день прошел в томительном ожидании вестей от Лучко, но тот так и не объявился. На вечер была назначена очередная встреча с Бестужевой. За последние дни Глеб то и дело без всякого повода вспоминал Марину. Эта женщина, безусловно, обладала природным магнетизмом.

Ровно в шесть Глеб, надушенный своим лучшим одеколоном, вышел из лифта. Услышав звонок, Марина широко распахнула дверь и пригласила Глеба войти. От обычного сугубо делового вида не осталось и следа. Сегодня Бестужева была одета в облегающее темно-серое платье. Боже мой, а тут есть что облегать! Глеб чуть было даже не присвистнул. Марина была просто восхитительна. Роскошный вечерний туалет дополняли старинного вида серьги и ожерелье,

в которых прихотливо сочетались мелкие прозрачные камни двух цветов – белые и зеленые. Самое время сделать комплимент.

– Мне очень нравится ваша... рабочая одежда. Это, видимо, униформа выходного дня?

– Нет, это по случаю дня рождения лучшей подруги, – улыбнулась хозяйка, явно довольная произведенным впечатлением.

Глеб и в самом деле был потрясен. Он даже вспомнил о том, что в Греции некогда проводились так называемые Каллипигийские игры. Участницы этих, наверное, самых захватывающих соревнований в истории состязались между собой в сугубо женских разрядах: идеальный бюст, лучшие ноги, самое красивое лицо и так далее. Собственно, само название этот древнейший конкурс красоты унаследовал от греческого слова καλλιπυγή – «каллипиги», являвшегося по сути комплиментом самой подвижной из женских прелестей, расположенных ниже талии. Столыцев еще раз украдкой посмотрел на мало что оставлявшее воображению коктейльное платье.

«Да, родись Марина двумя с половиной тысячами лет раньше и двумя тысячами километров юго-западнее, имела бы все шансы на победу как минимум в двух номинациях. Нет, пожалуй, даже в трех...», – рассудил Глеб, провожая взглядом хозяйку, отправившуюся на кухню за чаем.

Бестужева вернулась с подносом, уставленным посудой, и прошла в кабинет первой. Глеб проследовал за ней. Он устроился в том же уютном кресле, к которому уже успел привыкнуть за время предыдущих сеансов. Рабочий стол был завален книгами чуть ли не до потолка, поэтому Марина выдвинула стул и села напротив. Она положила ногу на ногу, одернула платье и в довершение для верности прикрылась ноутбуком. Глеб не мог оторвать глаз. Бывает же в мире полная гармония!

Марина украдкой бросила взгляд на часы и приступила к делу, как обычно, сперва поинтересовавшись новостями.

– Ну, что скажете? Вам удастся избежать чужих видений?

– Пока лучше всего удастся избежать рукопожатий.

– Да уж, не здороваться – дело нехитрое, – с беззлобной иронией сказала Марина.

Затем Бестужева попросила Столыцева описать эмоции, которые он испытывает во время видений. Было слышно, как быстро застучали ее тонкие пальцы по клавишам. При этом Марина не отрывала глаз от пациента. Глеб не без зависти прислушался к этим пулеметным очередям: печатать вслепую, да еще с такой скоростью он так и не научился, хотя и сам был homo scriptor – «человеком пишущим» – и имел за плечами кандидатскую, а также кучу других научных работ, набитых собственноручно, уж не говоря о сотнях страниц пока незаконченной книги.

Глеб попытался описать изменения, происходящие в его ощущениях:

– В самом начале это был страх. Животный страх. А теперь это скорее больше похоже на любопытство.

– Но это же превосходно! Можно считать, что мы добились первых результатов.

Ему отчаянно не хотелось, чтобы их общение строилось исключительно по принципу «врач – пациент». Как бы сделать так, чтобы эта красотка видела в нем не только больного? Женщинам вроде бы нравится, когда мужчина обнажает свои слабости и страхи, а женщинам-психологам, наверное, и подавно. Ну что ж, попробуем не на шутку обнажиться. И он заговорил самым сокрушенным и убитым из всех своих возможных тембров.

– Марина, скажите мне честно, я смогу научиться с этим жить? У меня есть шанс не потерять рассудок?

«Главное тут – не пережать», – сам себя предостерег Глеб.

Бестужева отложила ноутбук и ободряюще улыбнулась.

– Ну-ну, Глеб, поменьше трагизма. Я сделаю все, что смогу. Хотя легкой жизни обещать не стану. Буду с вами откровенной. С точки зрения психологии подобные способности – это палка о двух концах. Как говорится, есть две новости: хорошая и плохая. С какой начать?

– Как водится, с плохой.

– Извольте. Нужно с самого начала понимать, что за свою необычность вам придется регулярно расплачиваться.

– Каким образом?

– Только представьте, сколько всего нелицеприятного вам предстоит узнать о других людях и об их отношении к вам. Об их истинном отношении. И представьте, как неуютно будет окружающим от того, что любые их самые потаенные, самые сокровенные помыслы могут быть для вас совершенно прозрачны. Ну а женщины, Глеб? Подумайте о них.

«А я-то сейчас чем занимаюсь?» – мелькнуло в голове у Глеба. Однако вслух он произнес совсем другие слова. Слегка растерянным и в меру удивленным тоном он переспросил:

– О женщинах? А что я должен о них думать?

– Ну, хотя бы та, что осмелится быть с вами рядом? Каково ей будет знать, что вы как рентгеном сканируете ее мысли и чувства? – Марина перешла на шуточный тон. – А пресловутые женские секреты? От вас же теперь ничего не утаишь! Даже и не знаю, где вы найдете себе такую женщину-камикадзе...

А ведь она права. Об этой стороне своего дара Глеб совсем не подумал. Да, пока все как-то грустно.

– Ну а хорошая новость?

– Подумайте сами: судьба наградила вас редчайшим талантом, и он может сослужить хорошую службу и вам лично, и окружающим. Надо только придумать, как им правильно распорядиться.

– Вот именно. Как? Как же я это сделаю... один?

Марина слегка прищурилась, улыбнулась не самой естественной улыбкой и снова взяла ноутбук.

– Именно этому мы и будем учиться, – деловито ответила она.

Черт, все-таки пережал! И тут Глеб метнул козырную карту:

– А знаете, вы были абсолютно правы. Моими способностями уже заинтересовались.

– Серьезно? Так быстро? И кто же?

– Представьте, милиция.

– Надеюсь, вам ничего не грозит? – В голосе Бестужевой звучало искреннее беспокойство.

– Нет, что вы. Заинтересовались в другом смысле. Меня попросили помочь раскрыть весьма мрачную цепь преступлений.

Марина не могла скрыть удивления и снова отложила ноутбук.

– Правда? Расскажите.

Ее интонация была почти умоляющей, а прекрасные глаза распахнулись настолько, что у Глеба на мгновение перехватило дыхание.

– О, я вижу, вы поклонница детективов?

– Не то слово.

«Этим надо воспользоваться», – подумал Глеб и в красках, хотя и с небольшими купюрами изложил последние события. Марина с огромным вниманием слушала и смотрела на него во все глаза, изредка перебивая уточняющими вопросами.

– Я мог бы держать вас в курсе событий, если хотите, – как бы невзначай пообещал Глеб.

– Еще бы!

Повисла пауза. Возвращаться к сеансу психотерапии, похоже, никому уже не хотелось. Марина на минуту задумалась, потом спросила:

– А знаете что? Вы свободны сегодня вечером?

Он не сразу поверил своему счастью.

– Допустим, а что?

– Может, составите мне компанию? Вместе сходим на день рождения к моей подруге. Надеюсь, это немного поднимет настроение вам, а меня избавит от определенной неловкости. Там, видите ли, все будут парами...

– Вы и без?..

Глеб осекся. Он был поражен: «абсолютная гармония» еще и свободна! Клеопатра – и без Антония?!

– С недавних пор, – коротко ответила Марина, не желая вдаваться в подробности.

– Марина, с вами не то что к подруге – на край света...

Почувствовав, что снова пережал, Глеб мысленно поклялся перестать «давать Качалова» и просто быть самим собой, дабы не загубить на корню остаток столь перспективного вечера. Марина вышла в соседнюю комнату, позвонила подруге, предупредила, что будет не одна, и вернулась уже полностью собранной.

* * *

Погода стояла отвратительная, и желающих провести время за городом было совсем немного. Желтые листья, сбитые дождем и ветром, живописно декорировали ветровое стекло и боковые зеркала темно-зеленой «альфа-ромео», гармонично повторяя цвет обивки салона. Доехать до Жаворонков, где жила подруга, удалось сравнительно быстро. Всю дорогу они оживленно болтали.

– А как зовут именинницу?

– С недавнего времени близкие друзья зовут ее Цеце.

– Она такая колкая и язвительная?

– Да что вы, Ленка просто ангел.

– Тогда почему Цеце?

– Все просто: Ленка по первому мужу была Царевой, а этой весной вышла замуж за адвоката Целиковского...

Стольцев вспомнил именитого юриста, постоянно мелькающего в криминальной и светской хронике.

– А это, случаем, не тот самый Целиковский?

– Именно. Ленка говорит, он большая умница.

«Кто бы сомневался», – с легкой завистью констатировал про себя Глеб, припомнив парочку известных на всю страну клиентов Целиковского.

– С Леной мы дружим аж с первого курса института. Вместе прошли огонь и воду.

– Так она тоже психолог?

– Еще какой! А вот и их дом. Только давай сразу перейдем на «ты», а то Ленка меня не поймет.

– Давай, – охотно согласился Глеб.

* * *

Они въехали на охраняемую территорию и оказались у ворот особняка, хозяин которого явно не обладал утонченным вкусом, зато деньгами, похоже, ворочал изрядными. В дверях их уже ждала хозяйка дома. Лена Цеце оказалась роскошной блондинкой, похожей на слегка вульгаризированную и радикально осветленную копию молодой Элизабет Тейлор. Именинница была уже порядком подшофе.

– Ну наконец-то с мужиком, – грубовато приветствовала она подругу. Марина в ответ слегка покраснела. Женщины кинулись целоваться.

Глядя на обнимающихся красоток, Глебу вдруг безумно захотелось узнать, что конкретно имела в виду Бестужева под фразой «вместе прошли огонь и воду». А впрочем, это, конечно, не его дело.

Высвободив из своих объятий подругу, Лена по-мужски протянула Глебу руку для приветствия. Он с сомнением оглянулся на Марину. Та беспомощно пожала плечами. Лена неожиданно крепко стиснула его ладонь в своей и даже, как ему показалось, нарочито затянула рукопожатие, насмешливо глядя Глебу в глаза. Но, как ни странно, ничего не произошло. Никаких необычных ощущений, никаких картин. Хозяйка загадочно улыбнулась и пригласила Марину и Глеба пройти в огромную гостиную.

– Пойдемте к столу. У нас тут дым коромыслом...

Лена усадила их на два свободных стула и представила остальным гостям. Собравшихся было человек пятнадцать. Из них, насколько можно было судить по лицам, к социальной прослойке под названием интеллигенция можно было отнести только самого хозяина, его супругу и еще от силы пару человек. Любопытно, а кто же остальные? Нужные люди? Так оно и оказалось. Когда сидящий напротив толстяк с лицом, цветом и фактурой напоминавшим бланшированный помидор, взял слово, соседка слева толкнула своего спутника в бок и шепотом спросила:

– Кто это?

«Боже, да они еще и незнакомы друг с другом!» – удивился Глеб. Кавалер тем временем зашептал даме на ухо. Впрочем, в театре с приличной акустикой такой шепот можно было бы без особого труда расслышать ряда этак с двадцатого. Если верить шептуну, произносящий здравицу гость оказался одним из руководителей Главного управления исполнения наказаний. Ну, тогда все понятно. Иметь гарантированный доступ к заключенному для адвоката – большое подспорье.

Все выпили. Тостующий захотел лично чокнуться с именинницей. Целиковский тоже вскочил и услужливо протянул свой бокал. Адвокат оказался почти двухметровым детиной с невероятно зычным голосом, видимо, выработанным годами выступлений в суде.

Какой-то юноша азиатской наружности принес огромное блюдо с приготовленной на гриле бараниной.

– А теперь тост опоздавших, – на правах именинницы потребовала хозяйка.

– Дай хоть немного расслабиться, – взмолилась Марина.

– А я вовсе не к тебе обращаюсь. Пусть твой мужчина скажет.

Все испытующе посмотрели на «ее мужчину». Марина залилась краской. Глеб отложил салфетку, взял бокал и без тени смущения поднялся на ноги. Красноречие никогда не было его слабым местом. Слава богу, доводилось завоевывать аудитории куда поболее. Женщина слева снова ткнула соседа в бок. Тот пробасил своим фирменным шепотом:

– Это экстрасенс!

Вот так-так. Глеб посмотрел на Бестужеву. Ее щеки колером стремительно приблизились к лицу руководителя ГУИНа. Марина, казалось, была готова провалиться сквозь землю.

Несмотря на заминку, Глеб быстро взял себя в руки и сказал витиеватый тост, сравнив именинницу с Прекрасной Еленой. К зависти самого Целиковского и восторгу присутствующих он даже ввернул пару цитат из воспевшего эту самую Елену Еврипида. По понятным причинам Глеб умолчал о том, что всезнающие мойры предсказали Елене ни много ни мало пятых мужей, как, кстати, и вышло на деле. Затем, отдавая дань гостеприимному хозяину, Глеб деликатно сравнил его с самым первым супругом царевны – статным воином Менелаем, тем более что на Париса тот при всем уважении никак не тянул.

Целиковский, явно неплохо разбиравшийся в мифологии и осознавший компетентность оратора в данном предмете, такую деликатность, кажется, оценил. Во всяком случае, он сразу же предложил Глебу выпить на брудершафт и был немало расстроен вежливым отказом – мол, за рулем. После чего и высокопоставленный чин ГУИНа, которого Глеб в память о Гюго про себя окрестил «ГУИНпленом», взял его под локоть и отвел в сторону. Глеб сделал все возможное, чтобы избежать физического контакта, и ему это вполне удалось – очень уж не хотелось случайно окунуться в воспоминания этого чего только не повидавшего человека. Порядком подвыпивший ГУИНплен с важным видом вполголоса сообщил любопытную новость о том, что силовые структуры нынче чуть ли не на регулярной основе прибегают к помощи людей, обладающих разного рода экстрасенсорными способностями.

Следующим, кто тоже страстно желал пообщаться с Глебом, был невысокий пожилой человек с очень грустными глазами, смуглым лицом и пугающе молодой супругой. Даже если забыть про чудовищную разницу в возрасте – по прикидкам Глеба, минимум лет тридцать пять – сорок, – все равно было ясно, что это чистой воды мезальянс. Молодая женщина явно не испытывала особых симпатий к своему престарелому мужу, и это было очевидно всем, кроме него самого. Незнакомец представился:

– Семен Липкин, ювелир.

Так вот чем объяснялся ужас на лице господина Липкина, сопровождавший каждую тюремную шуточку ГУИНплена! Теперь понятно. Ювелиры традиционно состоят в непростых отношениях с законом. В ходе застолья они неожиданно мило поговорили с Семеном Ефимовичем на спиритические темы, хотя в итоге, к огорчению Липкина, Глеб наотрез отказался связаться с духом его покойной бабушки Раи, дабы выяснить судьбу утраченных семейных реликвий.

Чуть позже и сама Цеце предложила ему выкурить с ней сигару, и они тоже замечательно потрепались совсем уже ни о чем. Было видно, что Глеб произвел на хозяйку самое благоприятное впечатление. В общем, «экстрасенс» был настолько нарасхват, что спокойно поговорить с Мариной ему удалось только после отъезда в Москву.

* * *

В машине Марина сразу начала с извинений:

– Прости, я предупредила Ленку, что буду не одна. Я только хотела ее слегка заинтриговать. Кто же знал, что она всем растреплет...

Глеб делано насупился:

– Я переживу.

Он украдкой окинул взглядом сидящую рядом женщину. Чертовски хороша! Не стоит заставлять ее чувствовать себя виноватой. Глеб решил сменить тему:

– А знаешь, когда я чуть ли не целую минуту пожимал руку Елене, ничего не произошло. Я вообще ничего не почувствовал.

– Неудивительно. Я же говорю, Ленка – отличный психолог. Она заранее о тебе знала, поставила блок, вот он и сработал.

Стольцев почему-то почувствовал себя уязвленным. Так его дар действует не на всех?

– А ты тоже смогла бы меня блокировать?

– Очень надеюсь.

Даже обидно. Если ему и хотелось бы кого-то просканировать, так это госпожу Бестужеву.

* * *

Они расстались у подъезда ее дома. На прощание Марина чмокнула Глеба в щеку. Так быстро, что он, к своему огорчению, совсем ничего не успел почувствовать. Поцеловала, будто украдкой. Сантиметрах в трех, не более, от того места, где начинаются губы. «Последний дюйм», – подумал Глеб и сразу стал отсчитывать часы до следующей встречи.

7. Денарий

Без пятнадцати восемь утра заурчал мобильный. В трубке послышался хриплый голос Лучко:

– Глеб, здорово!

– Здорово!

– Хотел извиниться.

«Удивительное дело, – подумал Глеб, – я едва знаю капитана, а кажется, мы знакомы целую вечность. Нет, ради одного только „извини“ он бы никогда не позвонил. Видимо, есть новости. Любопытно какие?»

– Извиниться за что?

– За то, что не поверил тебе.

– А теперь, значит, веришь?

– Теперь верю. Прочитал отчет Семеныча. Кстати, тебе от него привет.

При упоминании о «министре внутренних дел» Глеб тут же почувствовал легкое недомогание в области желудка. Капитан перешел к делу:

– В отчете детально описан след на виске жертвы. Все, как ты и говорил. Семеныч сделал подробные фотоснимки. У тебя факс есть?

– Разумеется. – Глеб круглосуточно обменивался сообщениями всех мыслимых разновидностей с целой кучей корреспондентов по всему миру. – Запиши номер.

– Тогда я прямо сейчас пришлю тебе одно фото, сам все поймешь. Как получишь, перезвони. Пока-пока.

Лучко повесил трубку, но успел так заинтриговать Глеба, что тот даже не вышел на кухню за чашкой кофе – уж очень любопытно было поскорее взглянуть на снимок. Когда его безумно медлительный факсимильный аппарат наконец выплюнул страницу, Глеб нетерпеливо оторвал ее от бумажного барабана и перевернул изображением вверх. Он обвел картинку внимательным взглядом и обомлел...

* * *

Будильник на тумбочке зазвенел, как обычно, ровно в восемь. Издаваемый им писк был самым гадким звуком в мире. Ни скрип зубов, ни даже скрежет металла по стеклу ни в какое сравнение тут не шли. Звонок был не просто мерзким – он был мерзиссимо, как сказал бы обильно пересыпающий свою речь итальянскими и псевдоитальянскими словечками ее новый пациент Глеб Стольцев. Ну-ка, ну-ка! Марине впервые за годы регулярных утренних мучений пришла в голову мысль осмотреть будильник «Панасоник» с тыльной стороны. Точно! MADE IN CHINA! Как же это я раньше не догадалась? Теперь все понятно. Китайцы – известные специалисты в области изоощренных истязаний, от пытки водой, капающей на выбритое темечко, до специально подобранных звонков будильника. Причем наверняка делают это совершенно сознательно: испорти человеку утро – и весь день насмарку. Вот так они и подрывают западную цивилизацию изнутри.

«Хотя какая мы, на фиг, западная цивилизация?» – продолжала недовольно размышлять Марина, для которой утро вообще и подъем с кровати в частности всегда были тяжелым испытанием. Особенно после разрыва с Гошей. Он единственный из всех мужчин, когда-либо деливших с ней ложе, смог это прочувствовать и научился виртуозно подслащивать ежеутреннюю горечь пробуждения. Гоша почти всегда успевал проснуться первым и выключить будиль-

ник только затем, чтобы растормошить любимую ласками и прочими приятными глупостями. Надо же, после их расставания прошло уже полгода, а она так и не привыкла просыпаться одна.

Марина наконец оторвала голову от подушки, приняла душ, выжала в стакан два апельсина и включила кофеварку. После пары глотков крепкого кофе утро, как правило, уже не казалось таким отвратительным. Затем она раскрыла ноутбук, который никогда не выключала, а только переводила в спящий режим. В отличие от нее самой компьютер проснулся почти мгновенно и бодро зашелестел жестким диском. Первым делом Марина, как обычно, проверила почтовый ящик. Кроме привычного спама она нашла два письма от коллег, одно от подруги и еще одно от совершенно нового адресата. Марина открыла это сообщение первым. Оно оказалось от Глеба Стольцева и заключалось всего в четырех строчках:

Каких мне стоило трудов!
Каких мне стоило усердий!
Не нашептать банальных слов,
Признавшись: VENI, VIDI, PERDI...

В памяти всплыло позаимствованное из латыни французское слово *perdre*, означавшее «проигрывать, терять, терпеть поражение». Получалось: «Пришел, увидел, проиграл». А может, так: «Пришел, увидел и пропал»? Да, так выходило куда поэтичнее. Марина сразу вспомнила их вчерашнее расставание. Она ведь знала, к чему может привести физический контакт со Стольцевым, но все равно зачем-то чмокнула его на прощание. Интересно, что он почувствовал? Она, конечно, постаралась сосредоточиться и поставить блок. Но вот сработал ли он?

Впрочем, поцелуй – лишь один из допущенных ею вчера просчетов. Ведь согласно азбучным истинам профессиональной этики, психолог вообще не должен вступать в какие бы то ни было личные отношения с пациентом. Даже с бывшим. Ладно, она совершила ошибку, она ее и исправит.

Закусив уголок нижней губы, Марина задумчиво посмотрела на экран. А стихи Глеба, кстати, милы, ничего не скажешь. Стоп, а вдруг эти строчки не его? Может, цитата? Марина тут же ввела четверостишие в поисковую строку «Яндекса». «Яндекс» авторитетно сообщил, что искомая комбинация слов нигде не встречается. Значит, сам написал. Тут она обратила внимание на электронный адрес отправителя: gleb@stoltsev.ru. Любопытно. У Стольцева есть персональный интернет-сайт? Марина с внутренним трепетом набрала адрес www.stoltsev.ru. Она очень боялась увидеть один из многочисленных памятников человеческому тщеславию, которыми просто кишит Всемирная паутина, но вместо этого попала в виртуальный храм науки.

У сайта было аж четыре версии: русская, английская, итальянская и даже латинская! Он оказался целиком посвящен истории и научным работам Глеба, которых, к Марининому удивлению, оказалось больше тридцати, причем львиная их доля вышла в солидных зарубежных изданиях. Марина даже почувствовала легкий укол профессиональной зависти: все ее собственное научное наследие исчерпывалось двумя давнишними статьями в «Вестнике практической психологии».

Разбираемая любопытством, она ввела в поисковик фамилию Глеба сначала кириллицей, а потом и латиницей. Так и есть. Целая куча ссылок на самые разнообразные ресурсы, посвященные археологии и античной истории. А один линк даже привел ее на страницу весьма уважаемого британского журнала, где приводилась вызвавшая научную полемику цитата из работы российского антиковеда по имени *Gleb G. Stoltsev*.

«Да он просто Геродот какой-то!» – подумала Бестужева и задумчиво уставилась на оставшуюся на дне чашки кофейную гущу. Мозги всегда были ее самой чувствительной эрогенной зоной.

* * *

Просмотрев полученный факс, Глеб дрожащими пальцами набрал мобильный номер Лучко.

– Алле, Виктор, это то, что я думаю?

– Ну, что творится в твоей ученой голове, мне неизвестно, зато у меня на столе лежит официальное заключение. Тебе зачитать?

– Ты еще спрашиваешь?

– Тогда слушай. Эксперты утверждают, что пятно на виске Грачева очень смахивает на... Одну секундочку... – Было слышно, как капитан, чертыхаясь, то ли копается в груде папок с делами, то ли шарит в ящике какого-то безразмерного стола. Затем Лучко продолжил, явно читая по бумажке: – «...След на височной области очертаниями и формой напоминает аверс античной монеты. Судя по надписи и изображению, а также исходя из размеров, типа и высоты шрифта, которым сделана надпись, можно предположить, что это, – тут капитан сделал эффектную паузу, – древнеримский денарий». Античность – это же по твоей части, не так ли?

Потерявший дар речи Глеб так и не успел ничего ответить, а Лучко как ни в чем не бывало продолжил:

– «...Последовательность хорошо различимых символов, очевидно, является фрагментом надписи, вычеканенной на латинском языке».

У Глебахватило дух. Невероятно, но его предположение подтвердилось: оттиск на коже юноши получился гораздо четче, чем на его собственной. Оно и неудивительно: живая кожа почти моментально разглаживается, в отличие от... Тут перед глазами снова всплыли события в море, но Глеб сразу же постарался отогнать эти воспоминания.

– Античная монета? – переспросил он. – Очень любопытно. Но с какой стати бить человека в висок антикварным предметом, да еще совсем не предназначенным для драки?

– Без понятия. Я хотел у тебя спросить. Кто из нас историк-античник?

Неожиданные познания следователя в академическом жаргоне приятно удивили Глеба.

– Ну спасибо за доверие. Готов завтра же изучить фото и изложить свои соображения.

– А может, ты еще и прокатишься со мной в гости к нашим экспертам на Петровку?

– Да куда я теперь от тебя денусь? – со вздохом ответил Глеб.

Они договорились, что Лучко заедет завтра в половине девятого утра.

После разговора с капитаном Глеб принялся фантазировать насчет перспектив своего участия в расследовании и вдруг понял, что кроме жажды справедливости им овладел азарт ученого, мало в чем уступающий охотничьему. Найти любой ценой – вот лозунг истинного исследователя. Конечно, Глеб и дальше станет помогать капитану. Тем более что всякий историк в душе немного детектив.

Буре нередко говорил, что их работа часто напоминает сыскное дело, с той лишь разницей, что у сыщика имеется целый ряд преимуществ. Во-первых, он находится на месте преступления, а во-вторых, живет в одно время с преступником и примерно представляет себе его психологический портрет. Историк же, в отличие от сыщика, приходится распутывать клубок событий, от которых его отделяют века или даже тысячелетия. За это время образ мышления человека претерпел не меньшую эволюцию, чем развитие средств передвижения или связи. Сравните римскую колесницу с нынешним авиалайнером – и вы получите приблизительное представление о том, как с тех пор изменились и сами люди.

Буре – так тот вообще любил говорить об истории как о череде событий, случившихся в каком-то другом измерении и которые невозможно адекватно оценить сегодняшними мерками. Он даже придумал специальный термин: «параллельно-дисинхронный мир». Профессор любил повторять, что приоткрыть завесу тайны, окутывающую давно забытое событие, – все равно что сложить головоломку в полной темноте. Достаточно припомнить противоречивость версий относительно гибели Атлантиды или обстоятельства загадочной смерти Александра Великого, чтобы понять, что вся мировая история – сплошной детектив.

В итоге этих размышлений Стольцев пришел к выводу о том, что абсолютно согласен со старшим другом и наставником по всем пунктам, кроме последнего. Он искренне считал, что великого завоевателя сгубило не коварство таинственных недругов, а банальный «скифский порок» – так греки метко называли нездоровую страсть к неразбавленному водой вину, еще тысячелетия назад справедливо заклеив наших далеких предков алкашами. Если верить летописям, македонский царь накануне своей загадочной смерти всего за один день посетил аж два застолья. Изрядно выпив на первом сабантуе, Александр, согласно хроникам Диодора Сицилийского, во время второй вечеринки «обильно наливал себе неразбавленного вина», а под конец поднял и до дна выпил «большой Гераклов кубок» – а это, между прочим, по разным оценкам составляет от четырех до пяти литров! Так стоит ли удивляться тому, что прямо посреди пира царь взял и «внезапно» занемог?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.